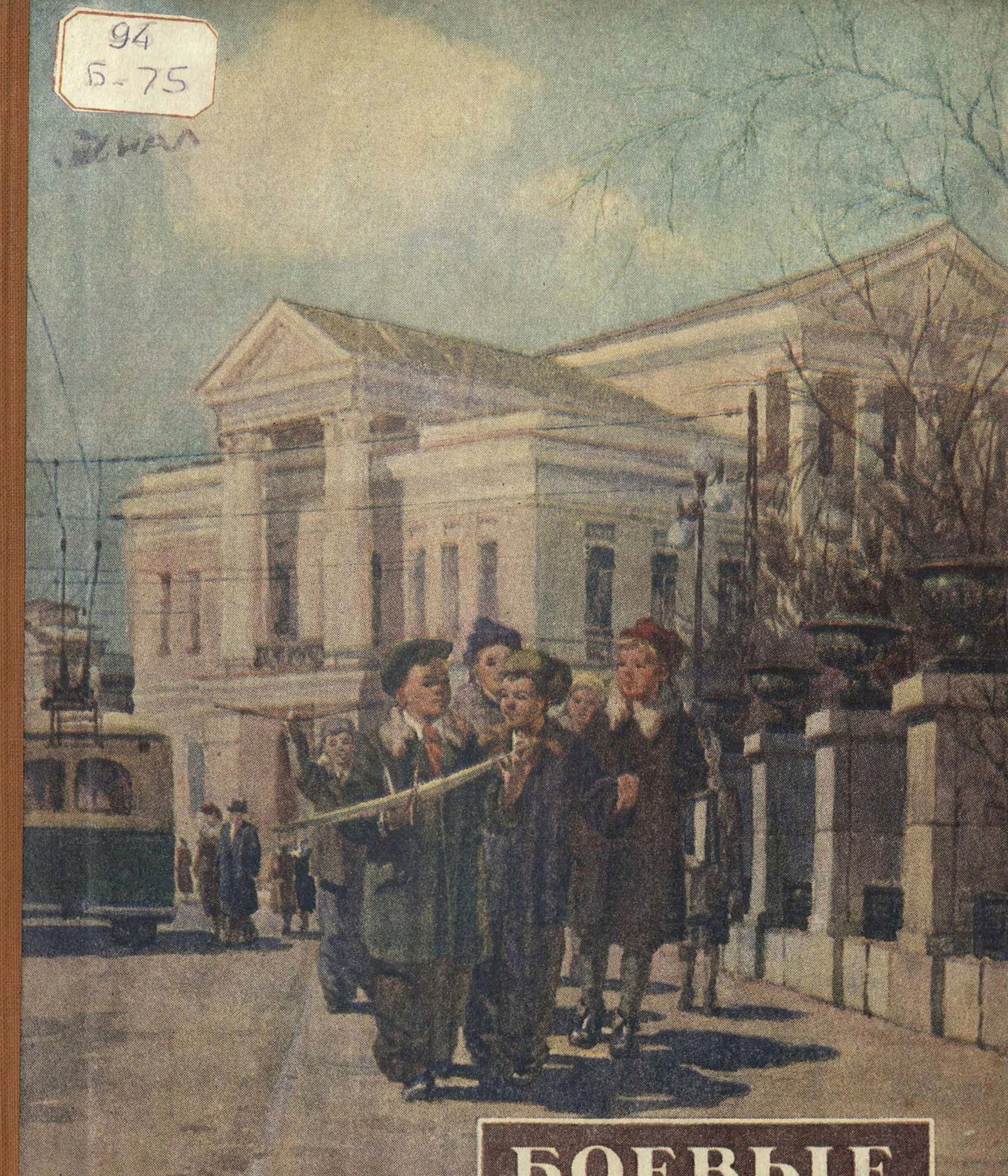
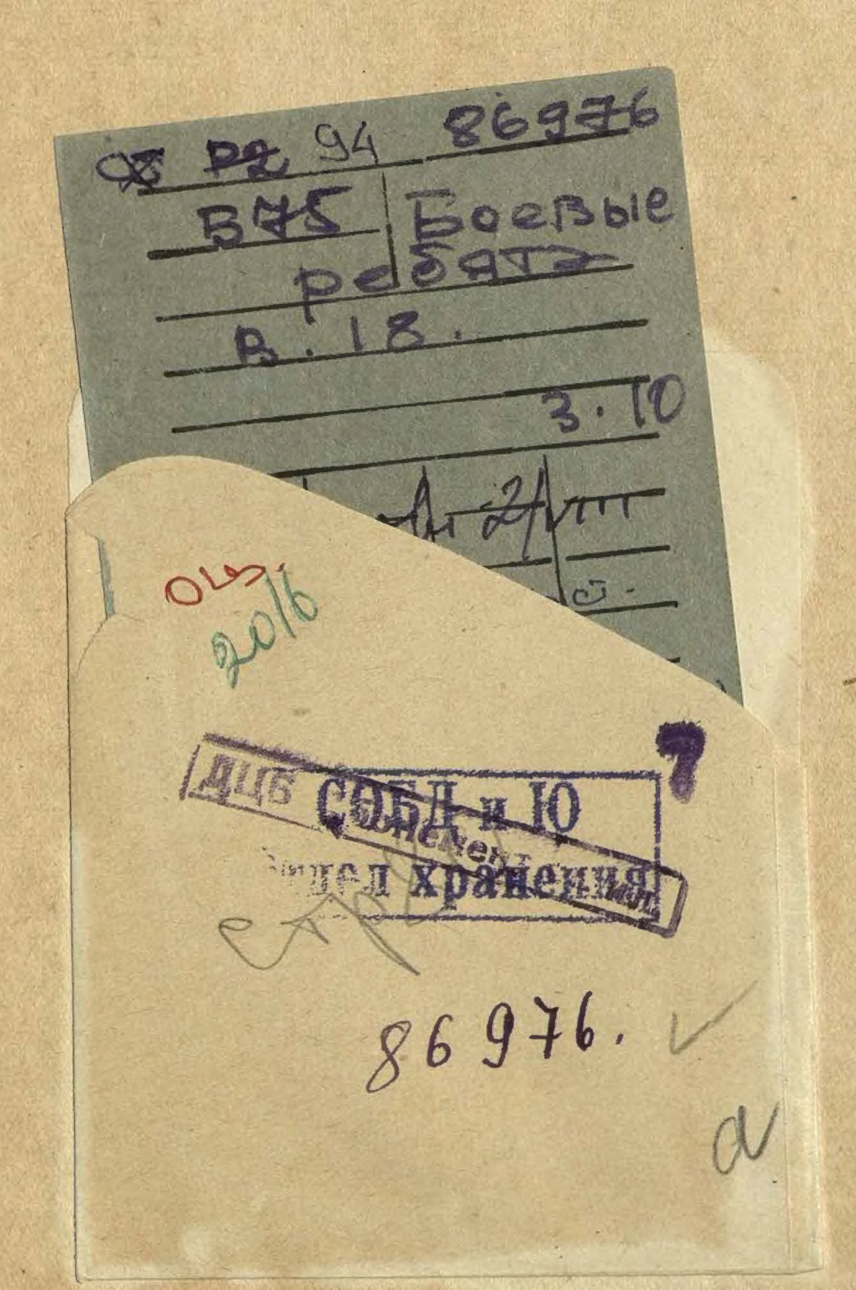

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Вып. 18

94 86976
Б75 Боевые ребята
В. 18.
3. 10

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ

★

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Выпуск восемнадцатый

*Свердловское
Книжное Издательство
1954*

В СТАРОЙ ШАХТЕ

Г. Михайлов *Рисунки Е. Гилёвой*

ШТЫК

Егорка и Павлик лежали в пересохшей канаве у забора товарного двора и смотрели в щель между досками на широкую площадь перед складами. За высокими зданиями складов поднимались густые чёрные клубы дыма — это горели цистерны с нефтью и керосином, вагоны с ящиками сливочного масла, с мебелью и мануфактурой, платформы с досками и брёвнами.

— Ну и горит! Вот пожар! — шептал Егорка.

— Будь здоров!

— Много добра горит...

— А что им жалеть!

— Железнодорожники стали растаскивать вагоны, — так не дают, стрелять начали.

Разговаривая, ребята внимательно следили за площадью. Эта площадь — самый центр привокзального товарного дво-

ра — в обычное время была самым людным местом. На ней стояло несколько десятков подвод с разной кладью, урчали редкие в те времена грузовики, трудились над разгрузкой товаров рабочие и сновали торопливые весовщики.

Теперь площадь была пустынна.

По её ровной утоптанной поверхности ползли густые тени от клубов дыма, лёгкий вечерний ветерок поднимал столбики пыли да вырывающееся пламя зажигало разноцветные искорки на осколках стекла.

— Ну как? — шептал Егорка.

— Если перемахнуть через забор, то можно скоро добежать, схватить и обратно,— прикидывал Павлик.

— Минут за пять можно всё обделать, — уточнял Егорка.

— Пожалуй...

— Чей же будет?

— А кто возьмёт.

— Дуй ты!

— Почему я?

— Значит я?

— Давай жребий.

— Самое верное...

Егорка сорвал цветок ромашки.

— Нечет, — поспешил объявить Павлик. Спорщики начали по очереди обрывать лепестки. Над складами снова высоко взметнулся яркий столб пламени, и в следующее мгновение, точно по его сигналу, затрещали ружейные выстрелы.

— Нечет, — назвал свой счёт Егорка и добавил: — наши жарят по белякам.

— Чёт, — прошептал Павлик, — а может, казаки хлещут по шахтёрам.

Стрельба скоро стихла.

— Нечет! — объявил Павлик, оборвав последний лепесток. — Тебе лезть.

Егорка посмотрел на площадь за забором и попросил:

— Давай по-татарски — до трёх раз.

— Я не татарин.

— Давай, Павлик, — начал упрашивать Егорка, с опаской посматривая на площадь.

— Трусишь?

— А ты?

— Вышел мой нечет.

— Значит трусишь!

— Я!?

Друзья не замедлили бы начать жаркий спор, но за поворотом забора раздался дробный цокот копыт.

— Это беляки. Бежим Павлик...

— Не успеем. Догонят и зарубят, а то пристрелят. Они злые, как волки.

— Тогда прикинемся мёртвыми,— предложил быстрый на решения Егорка.

— И чтобы не дышать?

— Дыши сколько хочешь. С лошадей не видно.

— Ну давай, — согласился Павлик.

Только успели друзья растянуться в канаве, как из-за забора выехала небольшая группа всадников. Впереди на вороной лошади скакал офицер.

Когда группа подъехала к лежащим в канаве мальчикам, один из всадников сказал:

— Кокнули хлопчиков, наверное, не за пить дать.

— Не беда,— небрежно заметил офицер.— Меньше будет пролетариев.

— Так, ведь, дети же...

— Ненужные сантименты, Хлопотов. — Этот сброд нужно уничтожать независимо от возраста...

— Будь у меня наган, я бы показал ему сброд, — погрозил кулаком вслед уехавшим всадникам Егорка.

— Маловат ещё, Егор Иванович, — критически заметил Павлик.

— Мал, да удал.

— Докажи.

Поняв намёк товарища, Егорка вылез из канавы и, нагнувшись, побежал к товарному двору. Он с ловкостью кошки перелез через забор и юркнул в кусты лебеды.

Полумрак наступающего вечера уже начал затушевывать строения, и только на площади от пламени горящих вагонов было светло.

Осмотревшись и не заметив никого, Егорка осторожно пополз к цели своей опасной вылазки, к лежавшему посредине площади винтовочному штыку.

Еще утром, наблюдая за эвакуационной суматохой на товарном дворе, ребята заметили этот штык.

Желание приобрести такое грозное оружие и пополнить им свою обширную коллекцию из патронов, снарядных гильз и патронташей, было настолько велико, что в течение целого дня они не упускали из поля зрения площадь товарного двора.

Егорка полз по-пластунски в кустах лебеды и вдруг услышал за собой шорох. В одно мгновение он вытянулся на земле и затаил дыхание.

— Чего остановился? — раздался шопот. Это подполз Павлик.

— Ты зачем?

— Давай вместе.

— Ну, давай, — охотно согласился Егорка и пополз дальше.

— Когда кончится лебеда — стрелой вперёд, хватай штык и обратно. Понял?

— Ага!

У последнего куста лебеды друзья долго лежали, не решаясь преодолеть последнее препятствие. Вагоны горели с прежней силой, выбрасывая столбы пламени. Чёрный дым сплошной завесой шёл в сторону города.

— Бежим! — скомандовал Егорка.

Друзья вскочили и помчались по открытой площади.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЯЩИК

Шахтёрский городок спешно покидали временные его хозяева — белые банды.

Недолгий срок продержались они в городе, но с первых же дней принялись хозяйничать на золотых приисках.

Снова появился исчезнувший в 1917 году хозяин Ключевских шахт англичанин Гордон.

Но отряды Красной гвардии сжимали в клещи горнозаводский Урал, и белые удирали.

На городок спустилась ночь. Необыкновенная тишина разлилась над звёздным безлунным небом. Молчали шахты, не слышалось людских голосов, и только с товарного двора доносился гул пожарища.

В эту ночь в городке было безвластие: белые уже удрали, а красные ещё не пришли.

Егорка и Павлик чувствовали себя героями. Проводив отцов с шахтёрским отрядом на борьбу с белыми бандами, ребята обрели полную свободу, если не считать слабого в эти грозные дни надзора матерей. За стремительной сменой событий ребята едва успевали следить. Купание в пруду прерывалось внезапно возникавшей перестрелкой, и друзья бежали на опушку леса, и там, забравшись на деревья, наблюдали за боем между ударным отрядом шахтёров и белыми. Рыбная ловля не раз кончалась бегством в каменоломни, когда какой-нибудь пьяный казак отбирал весь улов и «для острастки» стрелял в воздух. Сбор патронов, ночная «разведка», военные игры занимали так много времени, что его почти не оставалось на сон и еду...

Сейчас друзья сидели в нише старой каменоломни за городом в своей так называемой «военной квартире». Вход в этот искусственный грот был завешен брезентом. На гвоздях, укреплённых в трещинах стен, разместилось военное имущество: патронташи, сумки, ремни, два винтовочных затвора. На ящике, заменявшем стол, лежали патроны и, наконец, последнее приобретение — штык. Грот освещался огарком, укреплённым в большом красивом подсвечнике, подобранном на вокзале.

Ребята обсуждали события прошедшего дня.

— Вот точно говорю: завтра уже будет наша власть.

— А помнишь, как пьяный офицер кричал на вокзале: «Не радуйтесь, шантрапа, мы скоро вернёмся!»

— Вернёмся! Наверное, так драпает, что пятки влипают...

— Достать бы нам, Павлик, офицерский браунинг...

— Или бы по нагану найти да золотопогонника сцапать и привести в совет.

— Жалко, мало нам лет, — с сожалением заметил Егорка.

— Родились поздно...

В неподвижном воздухе душной июльской ночи пламя свечи казалось нарисованным на сером фоне гранитной стены запятой.

В отверстие над брезентом заглядывали яркие звёзды.

Наговорившись до хрипоты, ребята решили не возвращаться домой, а заночевать в своей военной квартире.

Павлик подошёл к лежанке, устроенной на опрокинутом ящике, и, похлопав по разбросанной на нём траве, сказал:

— Жестковато...

— Нарви травы, если хочешь спать, как барин, — сказал Егорка, устраивая себе постель в углу ниши на мешке. — А я буду спать по-походному.

Павлик зажёг «летучую мышь» и вышел из ниши.

Но не прошло и трёх минут, как он вернулся.

— Что скоро? Передумал? — спросил Егорка.

— Сюда идут... Двое с фонарём... И меня увидели.

— Кто?

— Откуда я знаю...

— Гаси фонарь.

Только успел Павлик погасить «летучую мышь», а Егорка дунуть на свечу, как в щель между половинками брезента проник яркий луч света и в нишу вошли двое.

Первый нёс на плече окованный железными обручами ящик, сгибаясь под его тяжестью.

Это был штейгер Пахомов, носивший кличку Медведь за неуклюжую грузную фигуру, лицо, заросшее бородой, и бегающие, злобные глаза. Лица второго не было видно в тени, но по жёлтым крагам на тощих ногах ребята без труда узнали хозяина Ключевских рудников — Гордона.

На шахтах не переносили худого, как кащей, злобного англичанина и его холопа-штейгера.

— Чего тут? — буркнул Медведь.

— Сидим, — коротко ответил Егорка и, помолчав, добавил:

— А вам чего?

— Нужно уничтожайт, — заговорил англичанин.— Бистро!

Ребята поняли, что они стали свидетелями какой-то тайны внезапных ночных посетителей.

— Убьют,— шепнул Егорка Павлику.

— Нужно бистро! — настойчивее повторил приказание Гордон и подтолкнул штейгера к ребятам.

Хоть и не зря дали штейгеру кличку медведя, но убить детей хорошо знакомых ему забойщиков он не решался.

— Не надо, мистер Гордон, — начал было штейгер.

— Молчайт! — перебил его англичанин.

Видимо, не надеясь на штейгера, Гордон начал поспешно расстегивать кобуру висевшего у него на поясе пистолета.

С кобурой что-то не ладилось и, чтобы освободить вторую руку, Гордон нагнулся и поставил ярко горевший аккумуляторный фонарик на пол.

Этого мгновения нашим храбрецам оказалось достаточно.

Не успел англичанин выпрямиться, как Егорка что было силы ударил его по тощей спине штыком, пнул фонарик и выскочил из ниши.

За ним пулей вылетел Павлик.

В нише раздались стоны Гордона и ругань Медведя.

Ребятам была знакома каменоломня, как свой двор, и они, лавируя среди выработок, помчались прочь.

— Павлик... домой... скорей! — закричал Егорка так громко, что его услышали не только в нише, но, наверное, и в городе.

Выбежав из каменоломни, ребята, как по команде, остановились.

— Чего ты кричал, как недорезанный? — спросил Павлик.

— Это я нарочно, чтобы Кащей и Медведь не опасались нас.

— Ох, я и вытянул Гордошку! — засмеялся Егорка. — У него даже спина прогнулась.

— Не мешало бы угостить и Медведя, — заметил Павлик.

— Доберёмся и до него, — уверенно заявил Егорка.

Внизу в разработках каменоломни, как светлячок, загорелась и гасла яркая точка. Это Гордон и Медведь продолжали свой таинственный путь.

— Давай следить за ними, — предложил Павлик.

Ребята пошли в обход обширной каменоломни, внимательно следя за светлой точкой фонарика.

Поднявшись из карьера, Гордон и штейгер направились в район старых шахт, расположенный в двух верстах от города. Шли они быстро.

— Все ноги сбил,— пожаловался Павлик, наступавший босыми ногами то на острый камень, то на сучок.

— Ерунда! Терпи — не маленький.

Через несколько минут Гордон с Медведем свернули к опушке леса и пошли по дороге.

Теперь идти ребятам стало удобней. Под ногами был твёрдый грунт хорошо накатанной дороги.

— Вот что значит босиком, — прошептал Егорка, у которого так же, как и у его товарища, были порядочно расцарапаны ноги.

Углубившись в лес, Гордон и штейгер остановились. Огонёк фонарика потух.

— Устали, — сказал Павлик.

Ребята легли в траву и замолчали.

Глубокая полночь наполнила лес чернотой, настолько непроницаемой, что поднесённые к лицу руки не было никакой возможности увидеть. Вот, меняя место на ветке, пискнула полусонная птица; вот застрекотал кузнечик, зашелестели листья от налетевшего ветерка и ещё раздался какой-то шорох, наверное, проползла змея, а может быть, прошёл лесной дух, в которого ребята, конечно, не верили, но он почему-то так и представлялся им то лохматым и страшным, как Медведь, то злобным и тощим, как англичанин Гордошка...

Вдали снова вспыхнул яркий глаз аккумуляторного фонарика, и ребята поднялись.

Через полчаса показались полуразвалившиеся строения старой шахты, носившей почему-то название Чортов провал. Гордон обвёл фонарём вокруг, и в его свете обрисовались поочередно копёр, остатки конного ворота и навес с дырявой соломенной крышей.

— Тут будут прятать ящик, — шепнул Егорка.

Он не ошибся. Медведь снял ящик и осторожно поставил его на землю.

Ребята подкрались ближе.

Гордон достал из кармана лист бумаги и, присев на ящик, расстелил его на коленях. Медведь наклонился к хозяину. Их тихого разговора ребята не могли слышать, не рискуя подползти ближе.

Но вот короткое совещание кончилось, и Медведь начал готовиться к спуску в шахту.

— Я буду ожидайт, — громко сказал Гордон.

— Ждите, ждите, мистер Гордон, — вам ждать осталось не долго, — с какой-то странной усмешечкой ответил Медведь. — Прошу фонарик.

Англичанин отдал штейгеру ярко горевший фонарик.

Осмотрев первый марш шахтной лестницы, Медведь вернулся.

— Не выдержит меня вместе с ящиком старая лестница,— заявил он. — Придётся спустить его отдельно.

Гордон расстегнул куртку и начал снимать замотанную вокруг пояса тонкую крепкую верёвку.

Штейгер тем временем начал спускаться в шахту. До слу-

ха ребят доносились скрип шахтной лестницы и шум падающей породы.

Гордон соорудил небольшой костёр из елового сушняка и при его слабом свете начал готовить ящик к спуску в шахту.

— Давай! — донёсся из подземелья голос штейгера.

Однако англичанин не торопился. С видимой неохотой он приспосабливал петлю верёвки, озираясь, как волк, по сторонам.

— Не нас ли он заметил? — шопотом спросил Павлик.

— Нет, — уверенно ответил Егорка. — Тут другое дело. Жди, что будет дальше.

Вместо того, чтобы обвязать ящик верёвкой, Гордон достал из кобуры пистолет и подошёл к устью шахты.

— Опускай! — кричал Медведь.

— Подождайт, — прокричал ему в ответ Гордон.

Постояв, он вложил пистолет обратно в кабуру, подошёл к угасающему костру, подбросил сушняка и, точно испугавшись взметнувшегося пламени, схватил ящик. Однако груз оказался не под силу тощему англичанину.

Отказавшись от напрасной попытки унести ящик, он подтащил его волоком к шахте и крикнул:

— Принимайт!

С крайним напряжением сил Гордон начал осторожно спускать тяжёлый груз в шахту. При этом он сопел, кряхтел и ругался. Но вот, наконец, верёвка ослабла —груз был опущен на рудничный двор. Вытащив верёвку обратно и замотав её снова вокруг пояса, Гордон присел на камень у костра. Подперев ладонями щеки, он задумался.

Долго сидел Гордон на камне. Его сухое с ястребиным носом лицо время от времени подёргивалось судорогой, рыжеватая щетина на подбородке искрилась в свете угасающего костра, плечи выступили вперёд.

— Страшный! — прошептал Павлик.

— Как кащей бессмертный, — добавил Егорка.

Так в безмолвии прошло много времени, пока наконец не раздалось поскрипывание шахтной лестницы и над устьем показалась голова Медведя. Он с выражением нескрываемой злобы смотрел на своего хозяина.

— Всё кончайт? — спросил Гордон.

— Нет ещё не всё, — протянул штейгер.

Неторопливым движением он достал из кармана платок, вытер им вспотевшее лицо, затем выхватил из-за голенища нож и всадил его по самую рукоятку в грудь хозяина.

— Вот теперь всё! — крикнул Медведь и ещё несколько раз ударил уже упавшего англичанина окровавленным ножом.

Не успели ребята опомниться от охватившего их ужаса, как под ногами ударил колоссальной силы взрыв. Из шахтного ствола, как из жерла пушки, вылетела туча дыма с огромным количеством пыли, глыб породы и обломков крепления. Всё это поднялось над лесом и исчезло в ночной темноте, а через мгновение стали обратно падать камни и куски дерева.

Отойдя под защиту ели, Медведь спокойно наблюдал за делом рук своих. Догорающий костёр слабо освещал лежавший около шахты труп бывшего хозяина Ключевских рудников. Когда гул взрыва умолк, началось обрушение устья шахты. Медведь подошёл к лежавшему навзничь Гордону, вынул у него из кабуры пистолет, положил себе в карман, а труп легко, как ребенка, поднял над головой и бросил в шахтный провал.

— Вот теперь всё, — повторил штейгер.

Чтобы окончательно скрыть следы преступления, а за одним и похоронить тайну клада, штейгер поджёг в разных местах головёшками костра сухой валежник, и скоро на месте старой шахты начался лесной пожар.

Ребята проследили за Медведем почти до самой станции и, оставив его около здания водокачки, где он присоединился к последней группе отступающих белых, свернули в город.

МОЛОДЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

На рассвете прошёл сильный ливень. Он потушил ещё не угасшие кое-где пожары, разогнал тучи дыма и уничтожил запахи тления. Это был очищающий дождь. Наступившее утро было ясным, тихим и прохладным. В город вернулись его настоящие хозяева — шахтёры. Их вступление приветствовали не только радостные жители, но и поднявшееся над горизонтом

солнце. Его лучи наполняли боевые знамёна рубиновой свежестью, а на лицах уставших бойцов вызывали улыбки.

Егорка и Павлик, почти не спавшие ночь, но бодрые и весёлые, одними из первых вышли навстречу войскам, в рядах которых были и их отцы.

С восстановлением советской власти городок ожил. С востока ещё доносились глухие орудийные выстрелы, а на рудниках уже работали шахты, на базаре царила деловая суматоха и обычные споры из-за цен на картошку или мясо. Стайки босоногих ребятишек, не озираясь по сторонам, как при белых, перебегали с места на место без определённой цели, — просто так, радуясь, что некого стало опасаться. Ребята постарше бродили возле опушки в поисках винтовочных патронов и стреляных гильз.

Егорка и Павлик не лодырничали. Они сидели в своей «военной квартире» и обдумывали план поисков спрятанного Медведем ящика.

— А здорово Медведь шахту грохнул! — заметил Павлик, всё ещё переживая ночные события. А зачем это он, Егорка? А?

— Понятно — чтобы никто не узнал об ящике.

— Может, в нём человек убитый... Убили, порезали на части и схоронили.

— Вот чудак! — Егорка рассмеялся. — Будут они с человечьим телом ночью таскаться! По-моему, в ящике оружие: револьверы, патроны и бомбы...

— А может, клад?

— Чего гадать — найдём ящик и узнаем.

— Как найдёшь? Ствол провалился.

— Дурак, что ли, Медведь! Под землю есть другой ход. Медведь хотел достать ящик через другую шахту — факт.

— Хотел, да не вышло по его. Папанька сказывал — его кокнули шахтёры за вокзалом.

— Как же теперь?

— Говорю, сами найдём.

...За поиски второй шахты ребята принялись немедленно. Они тщательно осмотрели каждый кустик на обширной площади, но никаких следов разработок не нашли. В безрезультатных поисках прошёл целый день.

— Шахта, наверное, такая старая, что от её поверхности не осталось и следа, — заметил утомлённый Егорка.

— Может быть, бросим это дело? — спросил Павлик, которому порядком надоело ползать по лесной чаще и шарить под каждым кустом. — Расскажем всю эту историю с Гордошкой, и ящик найдут без нас.

— Ящик найдём только мы, а если ты не хочешь — найду его один я, — решительно заявил Егорка.

— Да я не отказываюсь, я только так.

— А если так, то пошли искать.

Однажды ребята ушли довольно далеко от сгоревшей шахты и забрались в такую глушь, что, на первый взгляд, казалось, здесь искать следы горных работ — бесполезное занятие.

Под лапчатыми ветвями огромной ели молодые разведчики разбили лагерь: построили шалаш, заготовили хворост для костра, натаскали травы для постелей, словом, решили обосноваться на продолжительный срок. Погода благоприятствовала: стояли замечательные дни конца июля с тёплыми ночами, с выпадающими в меру дождями и освежающими утрами...

Запасшись продуктами, наши разведчики провели в лесу субботу и только поздно ночью вернулись домой.

Егорку встретил только что вернувшийся с шахты отец.

— Ты где пропадаешь целые дни?

— В лесу, — коротко ответил молодой разведчик, боясь, что отец начнет интересоваться подробностями.

— Один бродишь?

— На пару с Павликом.

— Охотничаете?

— Конечно,— соврал Егорка и покраснел под пристальным взглядом отца.

Но тот только предупредил:

— Смотрите, не заплутайте, потом наищешься таких охотников.

— А мы, может, и ночью не придём, — внезапно заявил Егорка. — Ничего, можно?

— Что так?

— Больно в лесу хорошо. Утром клёв здоровый, а за прудом на опушке птицы поют, вот поют...

— Можно-то можно, да только осторожно — не заплутайте.

Павлику тоже удалось отпроситься на ночь, и ребята, не теряя времени, возобновили поиски старой шахты. На этот раз они выбрали каждый себе отдельный маршрут. Павлик пошёл на север по долине, а Егорка — на юг, с расчётом, перевалив через гору, заняться обследованием её обратного склона.

На вершине горы растительность уступила место каменистым россыпям.

Здесь только небольшие чахлые кустики малины и шиповника нашли себе приют в трещинах нагромождённых друг на друга обломков гранита. На самом перевале дул сильный ветер. Южный склон горы был совсем иным. Тут лужайки были покрыты высокой травой, среди которой синел аконист, мелькали золотисто-жёлтые шапки зверобоя. Берега крохотных ключей обрамляли купальницы и голубенькие глазки незабудок; розовые цветы сибирского лука были вплетены в ярко-зелёный ковер, а кольца царских кудрей издали привлекали внимание. Егорка был настолько увлечён сменой пейзажей, что не заметил, как налетели грозовые тучи и грянул гром. Едва он успел встать под прикрытие ели, пошёл дождь. Крупные капли захлопали по листьям. В лучах ещё не скрывшегося солнца они оставляли следы в виде косо летящих стрел. Вся южная часть неба была застлана низко мчащимися грозовыми тучами.

Егорка наблюдал из-под ели за грозой, слушал раскаты грома и следил за померкшим диском солнца, которое едва просвечивало сквозь густую сетку дождя.

Гроза кончилась так же быстро, как и налетела. На юге разорвались тучи, в разрывы брызнули лучи солнца и, занимая полнеба, встала семицветная радуга.

Как только кончился дождь, Егорка пошёл дальше.

Рядом с бодро шагающим разведчиком бежал возникший от дождя ручеёк. Он ворчливо журчал и тщательно огибал незначительные препятствия, точно боясь растерять свой небольшой запас воды.

Наблюдая за ручейком, Егорка не заметил, как свернул с тропинки и оказался в кустах перед небольшим холмом.

Здесь ручей внезапно исчез, нырнув под колодину.

Разведчик обошёл холм, но ручья не нашёл. К многообразным лесным звукам, так хорошо знакомым Егорке, присоединился какой-то странный звук. Он прислушался и скоро понял, что вода ручья падает в пустоту.

Не понимая, в чём дело, Егорка начал разрывать почву и нашёл полуистлевший обломок лестницы.

Да, да — совершенно точно: он не ошибся — это была часть шахтной лестницы.

Не меньше получаса Егорка рылся в земле, как крот, пока не обнажил широкое отверстие — устье неизвестной шахты. Из подземелья тянуло холодным воздухом с запахом гниющей древесины.

Егорка лёг на землю и заглянул в глубину шахты. На верхние ряды крепления падали солнечные лучи; они освещали бледножёлтые плети поселившегося здесь моха и звёздочки каких-то голубых цветов на тонких ножках. Ниже прилепился лишайник, а под ним виднелись радужные полосы плесени.

К одной из стенок шахты была прикреплена лестница, верхний конец которой молодой разведчик нашёл в земле.

До позднего вечера занимался Егорка обследованием поверхности старой шахты и вспомнил о своём товарище только тогда, когда стало темнеть.

Он пришёл в лагерь уже почти в темноте. Около ярко пылавшего костра возился Павлик.

— Как дела? — спросил Егорка, с уставшим видом опускаясь на пенёк.

— Видишь, как: картошку варю, — не особенно любезно ответил Павлик.

— Да, — протянул Егорка. — Тебе поварское дело больше подходит.

— А тебе?! — Павлик быстро повернулся к приятелю и вызывающе уставился на него.

— Я — настоящий разведчик! — воскликнул Егорка и гордо выпрямился. Он хотел поиздеваться над товарищем, но не выдержал и крикнул: — Старая шахта найдена!

— Врёшь, — недоверчиво покосился Павлик на приятеля.

— Ну ладно, — обиделся Егорка. — До утра я тебе больше ни слова о шахте.

— Посмотрим... не выдержишь.

Павлик был прав. Через полчаса, уминая за обе щеки вкусную картошку с селёдкой, Егорка рассказывал другу о своих поисках.

Почти всю ночь ребята провели в разговорах, но поднявшееся солнце застало их на ногах, почти готовыми в путь.

— Верёвки возьми, свечи не забудь, фонарик,— распоряжался Егорка.

Нагружённые продуктами и разнообразным снаряжением молодые разведчики пошли к старой шахте.

ПОДЗЕМНЫЕ РОБИНЗОНЫ

— Я полезу первый, — заявил Егорка. — А ты должен удержать верёвку, если сломается лестница. Удержи её чем хочешь — хоть зубами, но не выпускай. Упустишь верёвку — мне смерть. Понял?

Павлик молча кивнул головой.

Егорка, не торопясь, обернул верёвку несколько раз вокруг пояса и конец её завязал двойным крепким узлом; второй конец Павлик привязал к стволу растущего у шахты дерева, а средину обмотал вокруг пня.

— Не горячись и не теряйся, если я оборвусь с лестницы или она не выдержит, — наставлял своего друга Егорка. — Если повисну в стволе — медленно вытягивай. А кольца верёвки с пня спускай по одному.

— Не беспокойся, силы у меня хватит.

Осторожно перелез через сруб и, держась за верёвку, встал на первую ступеньку лестницы.

Наверное, сейчас никто бы не позавидовал Егорке. Даже его друг, крепко держа верёвку, невольно зажмурился.

Ступенька предупреждающе заскрипела, но выдержала; вторая была не крепче первой, но также не сломалась. С величайшей осторожностью и не свойственной ему медлительностью Егорка спускался по стволу. Павлик держал верёвку в натянутом состоянии, давая ей слабину только по сигналу то-

варища. На спуск по самому ненадежному участку ствола — на глубину около десяти саженей — ушло не меньше получаса. Ниже крепление ствола пошло лучше, лестница уже не скрипела, и Егорка вздохнул свободнее.

Осторожно ступая на каждую ступеньку и пробуя её прочность, за ним полез Павлик.

Разведчики без приключений спустились до дна шахты и, не теряя времени, принялись за исследование выработок.

Рудничный двор был довольно большим. С одной стороны он переходил в длинную галерею, пол которой был затянут илом. На дне шахты лежала куча полусгнившего крепления. Оно торчало из воды, заполнявшей яму для стока.

При свете фонаря над самой поверхностью воды чернел провал боковой выработки.

Пока Павлик рассматривал дно шахты, Егорка отправился дальше. Пройдя несколько шагов, он остановился, чтобы осмотреть боковые породы. Кругом была абсолютная тишина подземелья.

Идя впереди и прислушиваясь к журчанию воды в канаве, Егорка обратил внимание на какой-то странный, едва доносившийся шум.

— Слушай, — сказал он Павлику.

Шум постепенно нарастал, и его странный гул стал доноситься явственнее. Временами ребятам казалось, что где-то совсем близко шумит растревоженный пчелиный рой. Потом звук стал похожим на шум ветра, напоминая одновременно отзвук далёкого грома, только не затихающий, а остановившийся на одной низкой ноте.

Разгадка появилась сразу, как только разведчики поравнялись с боковой, выходящей на штрек, выработкой. Свернув в неё и пробежав несколько шагов, они оказались перед мощным подземным водопадом.

Вдруг ребята заметили лестницу, верх которой скрывали фонтаны брызг.

— Поднимемся? — предложил Павлик.

— Водой смоет, — с сомнением покачал головой Егорка.

— Свети! — Павлик храбро шагнул в воду, подставив себя

под душ. Он быстро наклонился и, ухватившись обеими руками за ступеньку, с силой дёрнул её на себя. Лестница не подалась. Павлик закрылся рукой от обильного дождя и посмотрел вверх: с правой стороны лестницы вверху темнело отверстие.

Изрядно промокнув, он прыгнул обратно и обрадовал товарища открытием:

— По лестнице можно залезть в верхнюю выработку.

— Сквозь воду? — спросил Егорка.

— Ну и что? Там есть свободное пространство.

Егорка отдал товарищу фонарик.

Не теряя времени, Павлик начал быстро подниматься по лестнице под проливным подземным дождём.

— Эй! — донёсся его голос сквозь шум водопада. — Спускаю фонарик.

Взяв опущенный на шнурке фонарик, Егорка прикрепил его к лацкану куртки и тоже шагнул под душ.

Далеко не безопасный подъём, однако, кончился для обоих разведчиков благополучно, и они пошли по крепкому настилу верхней выработки. У них под ногами мчался и клокотал поток.

Шагов через пятьдесят на настил стала заливаться вода и скоро совсем покрыла скользкие доски.

Перед ребятами было настоящее озеро. Чёрная поверхность воды, от тока свежего воздуха покрытая мелкой рябью, производила далеко не весёлое впечатление.

В полумраке «озеро» казалось бездонным.

— Как омут, — заметил Павлик, невольно отступив на несколько шагов назад.

— Ерунду говоришь, — оборвал его Егорка и смело пошёл вперед.

С каждым шагом вода поднималась всё выше, но под ногами был крепкий настил, и Егорка шёл уверенно. Однако, очутившись в воде выше колен, он остановился.

Потоптавшись перед новым препятствием, ребята решили соорудить плот. А из чего?

Прошло не менее получаса, пока Егорке, наконец, удалось отыскать две плохо закрёпленных стойки.

Орудуя топориками, разведчики выбили одну из стоек, и освобождённый переклад упал.

— Два бревна есть! — воскликнул Егорка.

С третьим бревном пришлось помучиться. Долго ребята били тупыми топорами по стойке пока и она, наконец, не упала. Материал для плота теперь был, но его следовало ещё доставить к «берегу». На это ушёл целый час.

Разведчики проголодались, и после того, как связали плот, решили как следует подкрепиться.

Теперь в путь!

Три толстых сухих бревна осели почти до половины под тяжестью путешественников и их снаряжения, но держались на воде устойчиво, не хуже лодки. Перехватываясь руками за стойки, ребята отчалили от «берега» и поплыли по затопленной выработке.

В тишине подземелья урчала набегающая на плот вода, глухо ударялись его брёвна о стойки, падали редкие капли влаги с перекладов кровли.

— Интересно, увеличивается или нет глубина? — спросил Павлик.

— Сообрази.

— Как?

— По высоте выработки.

— Верно!

Действительно, для определения глубины подземной реки не нужно было иметь шест. По понижению кровли выработки составлялось довольно точное представление о глубине. А кровля заметно на глаз «садилась» и саженей через пятьдесят настолько повисла над головами разведчиков, что им пришлось присесть.

— А если вода подойдёт под самую кровлю? — с беспокойством спросил Павлик.

— Придётся вернуться,— ответил Егорка.— Но ты прежде времени не каркай.

Ещё через несколько саженей кровля настолько села, что ребятам пришлось встать на колени. Опасения Павлика подтверждались.

— Посвети вперёд, — обратился Егорка к товарищу.

Павлик прикрыл рефлектор фонаря ладонью, как козырьком, и направил узкий пучок света вдоль выработки. Остановив плот, ребята стали внимательно всматриваться в тёмную щель между поверхностью воды и кровлей.

Впереди, кроме уходящих в воду стоек, — ничего.

Ещё на несколько саженей вперёд подвигается плот.

Ребята уже чуть не лежат на брёвнах.

— Видишь? — спрашивает Егорка.

— Ничего не вижу.

— А я вижу что-то вроде выступа породы.

Медленно, уже под самой кровлей, плот подаётся вперёд. Теперь и Павлику виден этот выступ.

Появление в глубине выработки выступа служило признаком изменения её высоты, а значит, и возможности проскользнуть в узкую щель. Лёжа на бревнах и отталкиваясь ногами, ребята начали пробираться дальше.

Положение становилось опасным. Ребята вряд ли представляли себе, что произойдёт, если над ними, почти прижатыми к плоту, треснет балка крепления или, задев за какой-нибудь предмет, плот начнёт тонуть.

Они стремились вперёд, усиленно отталкиваясь ногами от стоек.

Выступ породы теперь был ясно виден; с его острых граней стекала вода и с шумом падала вниз.

Ещё одно усилие, и перед ребятами открылся так называемый рудничный двор — один из центральных узлов шахты, где сосредоточиваются грузы и располагаются камеры.

Мощное лиственничное крепление здесь сохранилось меньше, чем в выработках. Толстые брёвна во многих местах лопнули и оскалились изломом, как волчьи пасти. Следы разрушения от времени видны были не только на креплении: на уступе валялись изъеденные ржавчиной куски рельс и остатки вагонеток, кучи обрушившейся породы уже покрылись пушистыми зайчиками плесени и кустиками каких-то бледножёлтых цветочков.

Разведчики причалили плот к породному выступу и осторожно перебрались со своего корабля на твёрдую почву.

— Разбить лагерь! — начальственным голосом крикнул Егорка.

— Есть разбить лагерь! — не менее громко откликнулся Павлик.

Ребята сложили своё немногочисленное снаряжение на упавшую с кровли огромную глыбу гранита и начали внимательно изучать рудничный двор. Он представлял собой подземную камеру величиной с большую комнату или, точнее, зал. Был он высечен в крепком граните и закреплён толстыми длинными брёвнами, теперь уже значительно подгнившими. К переднему концу двора примыкали две выработки: одна полузатопленная водой, по которой приплыли ребята, и вторая, которая сразу делала поворот и была сухой. Задний конец двора ещё больше расширялся, и его потолка не было видно.

Туда направился Егорка, освещая себе путь фонариком.

— Скорей сюда! — крикнул он, едва отойдя с десяток шагов.

Павлик подошёл и увидел кучу разного хлама, к присутствию которого в подземных выработках он привык, и потому не стал разглядывать. Между тем, присмотревшись внимательно, он мог бы увидеть обломки крепления, части лестницы, куски чёрной земли с пластами дерна.

— Понимаешь, в чём дело? — спросил Егорка, направив свет фонаря на кучу.

— Пока нет.

— Видишь дернина?

— Дернина?.. Да, вижу. А откуда она в шахте?

Световой зайчик фонарика побежал по балкам крепления и нырнул в тёмную пустоту на том месте, где должна была быть кровля выработки.

Перед изумлённым взором Павлика был настоящий шахтный ствол, в этом не могло быть никакого сомнения. Павлик рассмотрел заклинившиеся сломанные брёвна крепления; между ними виднелись остатки полков и лестниц. Всё это держалось в стволе, как говорят, на честном слове, и могло от малейшего толчка обрушиться на головы ребят.

Перед мысленным взором Павлика на мгновение промелькнула картина: освещённая слабым светом костра страшная фигура Медведя, затем взрыв — столб пламени и дыма над стволом и падающий в шахту, брошенный сильной рукой штейгера, труп англичанина Гордона.

Промелькнувшее видение было настолько потрясающим, что Павлик невольно отступил под прикрытие выработки.

— Сюда спускался Медведь? — спросил он.

— Это или та шахта, в стволе которой Медведь взорвал динамит, или другая, в которой недавно был обвал. — Егорка рассуждал, как настоящий исследователь.

— Как узнаем? — допытывался Павлик, обращаясь к товарищу, как к непогрешимому авторитету.

— Будем искать следы Медведя, — ответил Егорка.

Егорка был прав. Действительно, спускавшийся сравнительно недавно в шахту Медведь должен был оставить на покрытой тонким слоем пыли почве выработок отпечатки

подошв. Но обнаружить эти следы на каменной почве, да ещё при тусклом свете фонарика, очень трудно, если не сказать — невозможно.

Осмотрев ещё раз камеру рудничного двора, ребята решили начать исследование с боковой выработки.

Здесь разрушающее действие времени сказалось на всём.

Крепления были покрыты толстым слоем плесени. Плети зелёного мха свешивались с кровли. Это была очень старая выработка, оставленная горняками много лет назад.

Ребята шли осторожно, боясь нечаянным движением вызвать обрушение. Аккумуляторный фонарик светил плохо.

Посоветовавшись, разведчики решили зажечь лучины.

Когда вспыхнули факелы и выработка озарилась ярким светом, мрачная обстановка несколько изменилась, и ребята смелей пошли вперёд.

Как и предполагал Егорка, вскоре на пыльной почве появились чуть видные следы огромных сапог Медведя.

ТАЙНА РАСКРЫТА

Следы огромных сапог штейгера, едва уловимые при свете низко опущенного к почве факела, вели в глубину штрека — длинного подземного коридора. Порой они совершенно исчезали на тонком слое красноватой пыли, и только зоркий глаз Егорки был в состоянии снова найти их.

Скоро следы дошли до поворота выработки и здесь пропали.

— Стоп! — скомандовал Егорка.

Он опустил свой факел почти к самой почве и стал внимательно изучать её каменную поверхность.

— Всё в порядке! — воскликнул он. — Здесь Медведь поставил ящик. Смотри.

Научившись разбирать следы, Павлик, однако, не без труда разглядел на почве контур прямоугольника — отпечаток дна ящика.

— Теперь ты, Паша, свети, а я буду искать. Ящик где-то близко спрятан. Нужно осторожно... Нет ли подвоха? Медведь хитрый.

Егорка ползал по почве камеры, как ищейка, чувствуя, что ящик где-то совсем близко.

Павлик укрепил один факел в щель между стойками, а вторым светил, стараясь держать его так, чтобы гарью не дуло в лицо.

— А ну, свети сюда! — крикнул Егорка, остановившись перед небольшой нишей, тёмным провалом уходящей в гранитный массив породы.

Павлик подошёл ближе.

— Я тебе говорил, Медведь хитрый: ловушку насторожил. Смотри.

Павлик долго смотрел на тёмный провал ниши, но никакой ловушки не обнаружил. Единственно, что он заметил, так это был тонкий шнурок, прикреплённый одним концом к гранитному камню, лежавшему на перекладе, и вторым к самому низу стойки. Это никак не могло быть «ловушкой» штейгера.

— Шнурок, что ли?

— Конечно.

— Ерунда. Просто забыли убрать отвес.

— Уверен?

— Конечно.

— А вот сейчас посмотрим.

Егорка присел на корточки и стал раскапывать песок. К удивлению Павлика он скоро отрыл связку динамитных патронов, к одному из которых был привязан капсуль.

— Понятно?

— Здорово! Но причём шнурок?

— Притом...

Егорка разрыл весь песок у входа в нишу и, убедившись, что динамитных патронов больше нет, поднялся, отложил подальше заряд взрывчатки с капсулем и, подойдя к нише, дёрнул за шнурок. В одно мгновение с переклада сорвался гранитный камень и упал точно в то место, где лежали патроны.

— Теперь понял?

— Смерть! — воскликнул поражённый Павлик.

— Она самая. Вот тебе и нашли бы ящик! Я говорил — Медведь хитрый. Но не на того нарвался! — Егорка хитро подмигнул и, повернувшись к нише, пригласил Павлика:

— Не угодно ли?

— Думаешь там?

— Дай лучину.

Павлик подал Егорке факел, и тот скрылся в отверстии ниши. Камера оказалась небольшой: в ней едва могли поместиться три-четыре человека. Хорошо вытесанные в плотном граните стены и потолок совершенно не имели крепления.

В дальнем углу этой камеры на полу стоял окованный железными обручами ящик.

— Ура! — закричал Егорка, выскочил из ниши и пустился в пляс. Через мгновение к нему присоединился Павлик. Молодые разведчики, размахивая дымными ярко горящими факелами, прыгали по выработке, как угорелые...

Не мало прошло времени, прежде чем они успокоились.

— Всё? — спросил Павлик, укрепив в щель между стойками свой факел и усевшись по-восточному на пол.

— Всё будет, когда вызволим ящик. А до этого его ещё нужно поднять на поверхность, — ответил Егорка. Он сел рядом с другом, бросил в сторону свой уже почти догоревший факел и объявил: — Будем держать совет.

На совете было решено искать второй выход из подземных работ, так как везти ящик по подземному озеру опасно, а поднимать по стволу долго и трудно.

— Раз дует свежий воздух — значит выход есть, — сказал Егорка.

Не теряя напрасно времени, он зажёг новую лучину и пошёл, осторожно ступая по скользкой почве.

Смолистая лучина, раздуваемая струёй свежего воздуха, хорошо горела, и видимость была превосходной.

Саженей через двадцать на почве показалась вода — на её чёрном зеркале заиграли отблески пламени факела. Остановившись перед новым препятствием, Егорка позвал товарища.

— Опять строить корабль? — недовольным тоном спросил Павлик, подойдя близко к воде.

— А может, и так — не привыкать.

— Ещё утопим ящик.

— Ладно, не стони. Может, и без корабля обойдёмся. Неси верёвку.

Павлик сбегал в рудничный двор и принёс длинную верёвку, с помощью которой они спустились в шахту.

Прикрепив конец верёвки к поясу и держа факел высоко над головой, Егорка пошёл по залитой водой выработке.

— Два раза дёрну — вытягивай, — предупредил он Павлика.

Вода здесь была значительно теплей. Каменистое с небольшим наклоном дно и рельсы позволяли без опасений двигаться вперёд.

Кроме того, у Егорки к поясу привязана верёвка, конец которой в надёжных руках товарища. Уйдя по выработке довольно далеко и погрузившись в воду по грудь, Егорка остановился, чтобы осмотреться.

В воде кто-то пощипывал его за ноги. Уколы прекращались, как только он начинал шевелить ногами.

Егорка опустил одну руку в воду и притих. Через некоторое время лёгкие уколы почувствовала его ладонь. Он быстро сжал пальцы и сразу схватил что-то мягкое. Вынув руку и несколько разжав кулак, он увидел малька — извивающуюся, как пиявка, тонкую голубоватую рыбёшку.

Егорке сразу стало всё ясно: и причина лёгких уколов и теплота подземной воды. Он пошел обратно.

— Ну? — коротко спросил Павлик, бросив конец верёвки и подбежав к вышедшему на «берег» товарищу.

— Вот! — протянул руку Егорка и разжал кулак. На ладони лежал уже уснувший малёк.

— Рыба?! — удивился Павлик.— Откуда это?

— Свёртывай верёвку и собирай манатки,— начал командовать Егорка.— Я скоро.

Вернувшись через четверть часа, Егорка, мокрый, как лягушка, рассказывал Павлику:

— Чуть не утонул! Воздух свистит, как в заводской трубе, вода бурлит, тянет вниз... Доплыл я до Каменки и видел огни города. Ящик переправлять будем водой.

— Утопим! — запротестовал Павлик.

— Я придумал. Пойдём!..

Взяв факел, Егорка пошёл к рудничному двору. Выбрав две длинные и толстые стойки, вырубил их из замков. Плот из двух брёвен оказался надёжным: он был достаточно устойчив и занимал мало места. Всё немногочисленное снаряжение молодых разведчиков, включая и ящик, оказавшийся на редкость тяжёлым, было на совесть привязано верёвками, и брёвна почти до половины погрузились в воду.

— Поплывём,— решил Егорка.

— А не затонем? — с опаской спросил Павлик.

— Я лично не собираюсь, а ты, если боишься, держись крепче за верёвки и зажмурь глаза.

Егорка энергичными толчками гнал плот. Брёвна тёрлись друг о друга и издавали какой-то неприятный скрип. Ящик, крепко прикрученный верёвками, всё-таки скользил по мокрой древесине, и Павлику казалось, что с таким трудом найденный клад вот-вот утонет.

Когда вода дошла до плеч, ребята поплыли, толкая плот.

Наконец последнее препятствие осталось позади — плот вышел в скалистый залив.

Выбрав удобное место, молодые разведчики выгрузили всё своё снаряжение на берег и, напрягая последние силы, перенесли ящик.

— Всё оружие промокло,— с сожалением сказал Павлик, окончательно решивший, что в тяжёлом железном ящике находятся пистолеты, патроны и бомбы.

— Всё сейчас узнаем,— взяв топорик, заключил Егорка.

Сбив обручи, он начал осторожно вскрывать крышку.

После настойчивых усилий толстые доски, наконец, были оторваны, и изумлённым взорам ребят открылось содержимое таинственного ящика.

Не бомбы и патроны, не пистолеты и гранаты были там.

Отливая желтизной при свете костра, в ящике лежали золотой песок и самородки. Совершенно неожиданно ребята оказались обладателями огромного сокровища.

— Вот это да! — изумился Егорка.

— Больше двух пудов, наверное, чистого золота! — заключил хозяйственный Павлик.

— За целый месяц шахта не добудет столько золота. Днём сдадим, Павел, ящик в контору рудника.

— Точно!.. Вот позавидуют нам ребята!

Забив ящик и спрятав его в кусты, ребята начали сушить одежду.

На востоке занималась заря. Наступало утро.

ЮНОМУ ГЕОЛОГУ

Е. Фейерабенд *Рисунок Ю. Лихачёва*

Ты найдёшь или нет
Дорогой самоцвет,
Наперёд никому не известно.
Он лежит далеко,
И дойти нелегко,
И никак не отмечено место.
Но и то хорошо,
Что искать ты пошёл,
Может, камня любого дороже
Воля к трудным делам,
Вера — «Сделаю сам!».
Ну, а храброму всякий поможет.
Есть охота — иди.
Твой успех впереди.
Но и дальше будь смелым, как начал.
Всем, кто в трудном пути,
Всем, кто хочет найти,
От души я желаю удачи!

КАК МЫ ГОТОВИЛИ УРОКИ

А. Белянинов *Рисунки Е. Гилёвой*

Утром, перед тем, как уходить на работу, мама меня разбудила. Вставать не хотелось — вечером я долго читал книгу про партизан и заснул поздно.

— Прямо наказание с этой второй сменой,— сказала мама.— Вот я сейчас уйду, а ты проваляешься и уроки как следует не приготовишь.

У нас на комоде стоит большой будильник. Он показывал без десяти восемь, а маме идти до больницы пятнадцать минут. Она несколько раз проверяла.

— Ты смотри — опоздаешь, — сказал я. — Видишь, сколько уже времени?

Она засмеялась, сдёрнула с меня одеяло и стала быстро надевать пальто. Я сел, свесил ноги с кровати и раза два зевнул, ожидая, когда мама уйдёт.

Как только хлопнула входная дверь, я снова улёгся и натянул одеяло до подбородка. Но спать почему-то расхотелось. Я лежал и думал: вставать мне сейчас и садиться за уроки или ещё полежать и почитать о партизанах. Так я и не успел решить — в дверь постучали. Я уже знал, что это Христофор пришёл,— Христофор Слепцов. Мы учимся в одном классе и сидим на соседних партах. Он ко мне каждое утро приходит.

Мы с ним сразу подружились, как только приехали с мамой в этот посёлок. Он называется Ыйылы. Я не сразу научился это слово произносить, и никогда раньше мне не приходилось писать букву «ы» заглавной.

Когда Христофор вошёл, я стал одеваться. А он сидел на табуретке и рассказывал, что ночью его отец ходил на рыбалку и принёс полмешка рыбы.

— Ты когда-нибудь ел уху? — спросил он меня и сам ответил: — Из ленской рыбы никогда не ел. Сегодня бабушка варит, перед школой обедать вместе будем. Ладно?

— Идёт,— согласился я.

Мы сели решать задачу. В начале года всегда трудно заниматься. Я это знаю со второго класса. А когда учился в первом, так ещё не понимал.

Солнце било прямо в окно. Я смотрел, как оно освещает сосновую рощу,— стволы деревьев казались совсем красными. Среди них было немного белых стволов — северные берёзы.

— Однако ты задачу решай,— сказал Христофор.— Вера Петровна будет проверять. Двойку хочешь?

Я обмакнул перо в чернилку и склонился над тетрадкой. Но ведь Христофор говорил, скоро уже начнутся морозы и тогда гулять не придётся. Когда на дворе пятьдесят градусов, лучше дома сидеть!

Здесь, на Севере, даже когда пятьдесят градусов, младшие классы всё равно занимаются. Не то, что в Москве, там когда тридцать пять, так все дома сидят.

Задача у меня никак не выходила.

— Знаешь что,— сказал я Христофору.— Уроков сегодня много задали, мы и погулять не успеем. Лучше так: ты решай задачу, а я буду делать упражнение по русскому. Потом я у тебя спишу, а ты — у меня.

— Однако ты хорошо придумал,— согласился Христофор.

Так мы и сделали.

Очень бывает приятно, когда в тетрадках всё уже написано и можно укладывать их в сумку. Мы с Христофором надели шапки и пошли на улицу.

Сперва бегали вперегонки, но скоро я замёрз. Вот ведь здесь как, на Севере! Осенью, когда стоишь на месте, солнце пригревает, чувствуешь его тепло. А если побежишь или быстро пойдёшь, то уже нет. Это потому, что воздух холодный, хотя ещё только начало октября. Пришлось пойти домой, надеть телогрейку. Мне мама её сшила на первое время. Зимнего пальто у меня нет,— я из прошлогоднего вырос. Но скоро сюда в магазин должны привезти.

Христофор тоже замёрз в одной рубашке, и мы побежали к его дому прямо через площадь по сухой, жёлтой траве. Она шуршала под ногами.

Во дворе большой пёс — его зовут Сольджут — сердито залаял на меня. Христофор схватил его за шею, я заскочил в сени.

— Подружитесь,— сказал Христофор.— Сольджут, знаешь, какая собака? Только говорить не умеет. Ещё раз придёшь — он уже поймет, что ты мой друг.

В комнате отец Христофора сидел у стола и заряжал патроны.

— Папа, а мы тебе помогать будем? — осторожно спросил Христофор и подмигнул мне.

— Уроки приготовили?

— Да. Задачу решали, упражнение делали по русскому...

— Тогда помогайте.

Мне никогда не приходилось набивать патроны, поэтому я сперва стоял и смотрел, что будет делать Христофор. Он взял гильзу, насыпал в неё мерку пороху и заткнул бумажкой. Потом взял палочку, и плотно-плотно утрамбовал её. Насыпал такую же мерку дроби и всунул в гильзу войлочный пыж.

— А ты почему не помогаешь? — спросил меня отец Христофора — его зовут Иван Иннокентьевич.

— У меня знакомых охотников никогда не было,— ответил я.

— Тебя как зовут?

— Женя.

— Христофор,— сказал он,— ты что же, сам набиваешь патроны, а Жене не показываешь? Так не будет дела... Вот, смотри, Женя.

И он стал подробно мне объяснять, как надо набивать плотней бумагу и пыжи, чтобы дробь не грохотала в гильзе. Палочка с медным концом называется «барклай».

Я сам набил один патрон, Иван Иннокентьевич поднёс его к уху и потряс, сильно потряс. Но ничего не было слышно, и он сказал мне:

— Ты молодец, однако.

Так мы набивали патроны до самого того времени, когда пора уже было собираться в школу. А много приготовили! Я, правда, не считал, но два патронташа были совсем полные и на столе стояло ещё штук тридцать, не меньше.

— Вот хорошо,— сказал Иван Иннокентьевич.— В тайге буду вас вспоминать, спасибо скажу.

Я хотел идти домой, но меня оставили пообедать. Христофор забрал у меня шапку и телогрейку, а Иван Иннокентьевич сказал, что у якутов такой закон — когда зовут к столу, отказываться нельзя. Иначе — обида.

Я остался. Я ведь не знал про этот закон, а мне вовсе не хотелось, чтобы Иван Иннокентьевич и Христофор обиделись на меня. Мы ели уху. Мне понравилось. Уха была совсем прозрачная и прямо золотая, а рыба такая нежная, что когда положишь кусок в рот, сам не заметишь, как проглотишь.

Сольджут под дверью царапался и повизгивал — в комнату просился. Христофор пустил его, и он сразу подбежал ко мне и стал обнюхивать.

— Кусок хлеба ему дай,— сказал Иван Иннокентьевич.

Я взял горбушку и поднёс Сольджуту к носу. Он понюхал, но отвернулся и посмотрел на хозяина.

— Можно, — кивнул тот.

Сольджут только зубами один раз щёлкнул, и большого куска хлеба как не бывало.

— Вот это зубы! — сказал я.

Иван Иннокентьевич погладил пса за ушами.

— Мы с ним на рысь ходили и на медведя...

Сольджут снова подошёл ко мне.

— Ишь ты, какой хитрый! — закричал Христофор. — Уходи,— погнал он его.— В другой раз будешь знакомиться. Некогда нам.

Ведь нужно было ещё ко мне зайти, взять сумки.

Иван Иннокентьевич тоже собрался уходить, ему надо зайти к своим знакомым охотникам, вместе с которыми он на всю зиму собирался в тайгу. Такая у него работа — добывать пушного зверя.

Мы с Христофором побежали в школу, к двум часам нужно. Здесь, в Ыйылы, два часа, а в Москве только восемь утра. Там ребята сейчас тоже в школу идут, только в первую смену.

Сольджут тоже побежал с нами, провожал. Он на меня больше не лаял.

Издалека было видно, что на крыльце школы уже стояла тётя Шура с большим звонком в руке. Вот она стала махать им из стороны в сторону. У нашего звонка очень громкий го-

лос: какой шум во дворе стоит, а всё равно слышно. Мы с Христофором обрадовались, что прибежали во-время. А то Вера Петровна очень не любит, когда опаздывают. Она говорит, с самого начала надо приучать себя к порядку.

Мы разделись и вместе со всеми пошли в класс. Только уселись за парты, как вошла Вера Петровна с портфелем и журналом.

Первым уроком была арифметика. Мы достали тетрадки и положили их на парты. Вера Петровна прошла по всем рядам и посмотрела, кто как сделал. Христофор взглянул на меня с соседней парты, подмигнул и улыбнулся.

Потом учительница вернулась к своему столу и сказала.

— Сейчас мы все вместе проверим решение задачи. Женя Савельев пойдёт к доске и будет решать, а вы, ребята, проверяйте, так у вас сделано или нет.

Вот это да! Христофор что-то быстро зашептал мне, только я ничего не разобрал. Что ж поделаешь, когда вызывают? Я встал и вышел к доске.

— Условие задачи все помнят? — спросила Вера Петровна. — Прочитайте ещё раз, Женя.

Это ещё хорошо, что так получилось, а то ведь я забыл, о чем там идёт речь. Вера Петровна дала мне свой задачник, и я стал читать:

— Отец, сын и дочь нашли вместе 200 белых грибов. Отец и сын нашли 175 белых грибов, а сын и дочь 96 белых грибов. Сколько белых грибов нашёл каждый из них в отдельности.

Пока я читал задачу, надо было успеть придумать, что сказать Вере Петровне, если не сумею решить... Она же видела, — в тетрадке у меня всё правильно... Вот сейчас она спросит, что надо узнать первым действием, а что я отвечу? Мне почему-то всё считалка в голову лезла «пошли вместе, нашли двести»...

Христофор со своей парты показывал мне что-то на пальцах, но мы ведь даже не договорились, как показывать сложение,— как вычитание и все другие действия.

Вот когда я в пионерском лагере под Москвой ходил собирать грибы, разве я думал, что они когда-нибудь в задачу попадут? Глупая какая-то задача! Как же это они только белые грибы собирали? А опёнки, рыжики, подосиновики пропускали,

что ли? И какая разница, кто сколько собрал? Всё равно все вместе жариться будут.

Кажется, я уже долго молчал, потому что Вера Петровна спросила:

— Как же ты будешь решать эту задачу?

Я написал на доске цифру 1, рядом с ней поставил точку, потом отделил скобкой. Но скобка вышла кривая, я стёр её, написал новую.

— Отнять нужно, — сказал я.

— Подожди, — остановила меня Вера Петровна. — Прежде чем отнимать, рассуждать нужно. А то я скажу — сложить, Костя Малышев — умножить... Ты объясни, почему надо отнять.

Теперь мне не понравилось, как написана единица, и я подрисовал ей внизу поперечную палочку — как у печатной.

— Ты задачу сам решал? — спросила Вера Петровна.

Вот оно, начинается... Я знал, списывать нехорошо. Но ведь мне Христофор дал списать, не мог же я его подводить.

— Сам, — ответил я.

— А мне кажется, списал.

— Я знаю, только забыл, — сказал я.

— Наверное, так не бывает, Женя? Ты как думаешь?

— Не знаю.

— Ну, ладно. Садись.

Я положил мел и пошёл на своё место. И ещё обернулся посмотреть — Вера Петровна взяла ручку, чтобы поставить мне двойку. Или же она просто вызовет кого-нибудь другого?

Но она взяла ручку, вздохнула и что-то написала в журнале.

— Так оно и получается, — сказала она ребятам, — когда не занимаются самостоятельно, да ещё говорят неправду.

Задачу пошёл решать Костя Малышев. Он у нас в классе лучше всех знает арифметику. Ему задачу решить — все равно что мне теперь патрон зарядить. Костя так быстро стал писать, что только мел стучал по доске и осыпался на пол.

Я всё время смотрел на доску и думал, когда мне сказать маме про двойку, сегодня или уже в понедельник, перед тем, как она пойдёт к себе в больницу.

Потом мы ещё делали задачи, новые. Одного мальчика вызвали к доске, он тоже не смог решить, но ему Вера Петровна двойки не поставила. Вот везёт!..

Как день в школе неудачно начался, так он и продолжался. На уроке русского языка Вера Петровна спросила Христофора правило, на которое мы дома писали упражнение, а он запутался и ничего не мог сказать. Она опять удивилась, как же он домашнюю работу выполнил, и тоже поставила ему двойку.

На последней перемене к нам подошёл Костя Малышев. Его недавно выбрали председателем совета отряда.

— Вы это что же? — сказал он. — Весь класс подводите. Тебе, Христофор, может, трудно по русскому? Так ты скажи, пионеры помогут...

— Мы с ним вместе возьмёмся,— сказал я.— Он мне по арифметике поможет, а я ему — по русскому.

— Так не пойдёт. Разве бывает, чтобы двоечники друг другу помогали?

Но тут мы с Христофором обиделись. Что, в самом деле, двоечники и двоечники?! Поможем друг другу — и всё! Христофора и меня другие ребята поддержали, которые слушали разговор. Они сказали, что ведь у нас не по всем предметам двойки, а только по одному. Костя, наконец, согласился.

После уроков мы с Христофором вместе пошли домой. Шли медленно. Всегда медленно идёшь домой, когда двойку несёшь.

— Так не годится, как мы сегодня,— сказал я.

— Плохо, совсем плохо получилось, — вздохнул Христофор. — Теперь Вера Петровна будет следить. Она, знаешь, какая? Кто плохо знает, того спрашивает часто.

— А пусть часто спрашивают, — сказал я. — Нам теперь это не страшно, раз мы решили по-настоящему заниматься. Только, чур, друг другу не мешать!

— Так, однако, пойдёт, — согласился Христофор.

Он свернул к своему дому, а я пошёл дальше, туда, где светились в темноте окна нашей квартиры. Значит, мама уже дома. Но я теперь не боялся огорчить её. Ведь у меня больше не будет двоек.

НА ЛЫЖАХ

Л. Сорокин

Рисунки Е. Гилёвой

Взял я палки лыжные,
Лыжи-скороходы.
Дальние и ближние,
Здравствуйте, походы!

Ёлки расступаются,
Волк умчался серый:
С гор крутых спускаются
Вихрем пионеры.

Заяц пляшет весело:
Спасся он от волка.
Белка к зайцу свесилась
С островерхой ёлки.

Куст снежком кидается,
Лишь промчится ветер.
Солнце улыбается
И сильней нам светит!

...Взял я палки лыжные,
Лыжи-скороходы.
Дальние и ближние,
Здравствуйте, походы!

Усердный ученик

Н. Попова, Е. Хоринская *Рисунки Ю. Лихачёва*

За большим обеденным столом сидит маленькая Валя, решает задачи. Входит её брат, семиклассник Дима.

Дима. Учишься, шпингалет? Учись, учись, набирайся разума!

Валя. Дима! Не мешай, пожалуйста!

Дима. Ах, ты пузырь! Я ей помешал!.. Смешнущая ты, Валька... Ну, какие у вас уроки?

Заглядывает через плечо.

«Восемьдесят минус шестьдесят пять, разделить на три, умножить на четыре...» Не уроки, а пустяк. А она ещё раздумывает!.. Пиши: получится двадцать!

Валя. Дима, не подсказывай! Я сама! сама!

Дима. Ну, валяй сама! Мне и некогда с тобой возиться, самому надо учить... По истории, Валентина, я еду на троечке... надо выправить положение. Какой-то я, понимаешь ли, неудачник: учу-учу, и тут же всё забуду.

Садится к окну, раскрывает учебник.

Что нам задано? а-а! Фридрих Барбаросса... Почему-то мне сегодня неохота заниматься... Почему бы это? Но надо! Надо!

Читает вслух.

«В двенадцатом веке вспыхнула с новой силой борьба между императорами и папами. На императорском престоле укрепилась новая династия — Гогенштауфенов. Государь из этой династии Фридрих I Барбаросса был весьма высокого мнения об императорской власти. Он считал, что...» Дог лучше, чем овчарка, правда, Валька? Я думаю купить щенка и сам его буду дрессировать!

Валя. Дима, не мешай!

Дима

Читает, расхаживая по комнате.

«...император — наследник власти древнего Рима, что от него должны зависеть все государи Европы. Между тем даже в самой Германии было много сильных князей, не считавшихся с властью императора. Особенно могущественны были...» — Эрдельки? Нет, они мне совсем не нравятся. Эрдельку я хоть сейчас мог бы взять, у Пашки Дубского пять щенков! Целых пять! С удовольствием мне их отдаст!

Читает.

«Генрих Лев, герцог Саксонии и Боварии. Ему принадлежало...» Пять щенков! Куда он с ними? Даром рад отдать... Может, взять эрдельку?

Читает.

«...две пятых Германии. Фридриху I пришлось начать своё правление с борьбы с германскими князьями. Фридрих I решил начать с подчинения городов Ломбардии. Фридрих заявил...» Ой, как в носу чешется!

Читает.

«...что воля государя — закон. Он лишил ломбардские города самостоятельности и назначил туда своих должностных лиц. Попытка Фридриха провести в жизнь это постановление привела к восстанию. Во главе его стал...» Дог! Он, конечно, лучше, но на дога надо кучу денег!

Читает.

«...крупнейший город Ломбардии Милан. Фридрих осадил Милан. Осада длилась...»

Смотрит на часы.

Три часа! А в четыре Пашка зайдёт!

Читает.

«...два года. Наконец, город сдался. С верёвками на шее в знак покорности вышли в длинной процессии...» Родители вечно жалеют деньги на такие вещи, как собаки. Я бы с радостью продал Фотокор и купил бы дога... так ведь не разрешат!

Читает.

«...в длинной процессии миланцы. Фридрих выселил горожан в соседние деревни и обложил их...» Бранью да запретами я бы никогда не стал влиять на сына. Это только сердит!

Читает.

«...обложил их барщиной и оброками...»

Читает про себя, потом снова вслух.

«На собранном в Венеции съезде Фридриху I пришлось поцеловать туфлю папы. Папа заявил...» У тебя, Валька, хохолок смешно торчит, так и хочется дёрнуть!

Дёргает, Валя хнычет. Дима читает про себя, потом вслух.

«Папство достигло наивысшего могущества при папе Иннокентии III. Он высоко оценил значение папской власти. Он писал...» Одуреть можно от Фридрихов да от пап!

Зевает. Продолжает читать.

«писал: Мы призваны господствовать над всеми народами и царствами. Он считал, что...» Пашка счастливый, у него по истории пятёрки!

Читает.

«...что папа должен...» Нет, мама должна же понять, что деньги за дога— не пустая трата. Ведь это — такой собакевич!

Читает.

«...должен быть не только духовным владыкой, но и главой над государством. Иннокентий III первый из пап заявил...» Валька, не хнычь, надоело!

Читает.

«Большие деньги получал папа...» А что у мамы денег нет, так это — одна отговорка!

Читает.

«...от духовенства всех католических стран».

Читает про себя, потом вслух.

«Папа Иннокентий III объявил...» А у нас сегодня двух курильщиков поймали, к завучу увели!

Читает.

«...объявил крестовый поход против альбигойцев...»

Дочитывает про себя и с шумом захлопывает книгу.

Готово! Выучил! Сейчас остается рассказать своими словами — и всё!

Задумывается. Лицо выражает растерянность.

Да... Так с чего же начать? И, вообще, о чём тут речь? Опять я ничего не помню! Папа... Фридрих... альбигойцы... Милан... Учил-учил, старался, и вот нате! Не помню! До чего же мне не везёт!

В мастерской

Рисунок Е. Гилёвой

Е. Ружанский

Я в мастерской своей три дня
Тружусь, не знаю скуки.
И говорят уж про меня:
— Он мастер на все руки!

Хорошо мне!
День денской
Мастерю я в мастерской.

Из фанеры сбил я сани,
Что с горы катятся сами.
Обо мне сказали:
— Он,
Видно, плотником рождён!

Я так из глины стал лепить,
Что удивлялись люди.
А мать сказала:
— Может быть,
Скульптором он будет?

Планку я подбил железом,
Это сделал я конёк.
Мне сказали:
— Ай да, слесарь,
Славный слесарь Василёк!

Мне приятно!
День денской
Мастерю я в мастерской.
Отец сказал мне:
— Василёк,
Быть умельцем — счастье:
Хорошо, что ты, сынок,
На все руки мастер.
Если первый ты в работе,
Будешь в славе и в почете!

Так и будет!
День денской
Мастерю я в мастерской!

ДОЧЬ МИРТЫ

Б. Рябинин *Рисунки П. Чуваргина*

1.

Дизельэлектроход «Россия» возвращался из очередного рейса в Одессу. Ослепительно белый от верхушек мачт до ватерлинии, щедро заливаемый лучами полуденного солнца, красавец-корабль плыл по бирюзовой глади, отражаясь в её зеркальной поверхности, легко и свободно рассекая острой грудью воду.

Море нежилось под горячим южным солнцем. Ещё вчера оно было неспокойно; громадные волны, как движущиеся горы, накатывали одна на другую, качали корабль, разбиваясь в пену о его высокие борта, захлёстывали брызгами стёкла иллюминаторов; он то взбирался на высокий водяной холм, переливавшийся под ним, то вдруг словно проваливался между двух зыбких свинцово-серых стен; чайки кружились и кричали, и резкие голоса их смешивались с шумом разбушевавшейся стихии. А сегодня с утра всё стихло, и будто и не было вчерашнего волнения: море заштилело, лениво плескалось за кормой.

Стаи дельфинов играли на просторе. Их чёрные, лоснящиеся, заострённые к хвосту тела, будто вытолкнутые из глубины какой-то неведомой силой, внезапно взлетали над гладью

вод и мгновенно погружались, исчезая из глаз. В отдалении медленно проплывали берега. Лёгкий бриз освежал лица пассажиров. Впереди, прямо по курсу, уже маячили в лёгкой дымке белые строения Одессы.

Был последний день апреля. Я сидел на верхней палубе и любовался раскрывающейся панорамой, не в силах оторвать взора от этого яркого синего неба, синей воды, сливавшихся на горизонте, наслаждаясь насыщенными запахами моря, свежим воздухом, когда с носа судна донёсся выкрик вахтенного матроса:

— Человек за бортом!

Тот, кто бывал на море, знает, какое впечатление производят эти три слова. Человек за бортом! Что это? Последствия кораблекрушения, один из немногих, спасшихся от гибели? Жертва ли собственной неосторожности, купальщик, самонадеянно заплывший далеко и унесённый волнами в открытое море? Или, может быть, такой же, как вы и я, пассажир, упавший в бурную ночь за борт и оставшийся незамеченным?.. Можно предполагать всё.

Именно такие предположения высказывали пассажиры, столпившись на борту и стараясь разглядеть едва заметную точку, черневшую в море. «Россия» замедлила ход, стали спускать шлюпку.

К общему удивлению, шлюпка, не проплыв и половины расстояния, сделала плавный разворот и повернула назад, а чёрная точка на воде стала быстро удаляться, направляясь в сторону берега.

Вскоре всех облетело известие:

«Это не человек, а собака!»

Собака в открытом море?! Откуда она взялась там? И потом, коль скоро уж спустили шлюпку, то почему бы не спасти и собаку?

— А она не хочет! — объявил один из матросов, из числа плававших на шлюпке.

— Как не хочет? — поинтересовался я.

— А так. Мы к ней, а она от нас! Поплыла к берегу.

— Что же она делает в воде?

— А кто её знает... Купается!

Хорошенькое «купается», — это в нескольких-то километрах от берега!

Морское путешествие при всей его привлекательности всегда несколько однообразно; поэтому неожиданное происшествие развлекло всех. Давно уже не осталось на воде и признака четвероногого пловца, а пассажиры всё ещё обсуждали, каким образом в море могла оказаться собака.

Но вот дома Одессы как-то сразу приблизились, отчетливо рисуясь на фоне зелени садов; уступами поднималась знаменитая одесская лестница; всё ближе лес мачт, скопление пароходов в порту; донеслись с берега звонки трамваев; где-то начали отбивать склянки, и сейчас же, далеко разносясь по воде, со всех сторон откликнулись судовые колокола, отбивающие рынду.

«Россия» вошла в гавань и стала швартоваться у стенки. Полетели на берег тонкие стальные тросы. На палубе началась суета, всегда предшествующая высадке пассажиров, заиграла музыка, с какой возвращающийся из дальнего рейса корабль обычно приваливает к причалу, какое-то волнение поднялось в душе. Собака была забыта.

2.

На пляже Аркадии, любимом месте отдыха одесситов, по обыкновению было оживлённо, людно. Я медленно подвигался вдоль берега, высматривая для себя подходящее местечко, когда детский голосок, звонко скомандовавший: «Мирта, аппорт!», заставил меня остановиться и посмотреть в ту сторону.

У воды стояла девочка лет тринадцати-четырнадцати в купальном костюме и соломенной шляпке, тоненькая, изящная, с головы до пят покрытая ровным сильным загаром, будто отлитая из бронзы, и, подбирая у ног камешки, швыряла их в море, а там, то исчезая, то появляясь на поверхности, виднелась голова собаки. Когда очерёдной камешек булькал в воду, собака мгновенно ныряла за ним и — как это ни было поразительно — успевала схватить его прежде, чем он достигал дна. Вынырнув, пёс встряхивал головой, и камень вылетал из пасти, как подтверждение необыкновенной ловкости четвероногого

водолаза. Девочка хлопала в ладоши, вознаграждая этим собаку за её труд, и снова приказывала: «Мирта, аппорт!», заставляя верное животное на две-три секунды вновь погрузиться с головой.

Эта игра заинтересовала меня. Я подошёл поближе. Кучка любопытных окружала девочку, каждый раз встречая вынырнувшую собаку громкими возгласами одобрения; другие следили за этим необычным развлечением, растянувшись на песке. Моё внимание привлекла молодая женщина в лёгком шёлковом платье с тёмнопунцовыми цветами, сидевшая в глубоком плетёном кресле, под тентом, с красивым и, как мне показалось, чуть грустным лицом; на коленях у неё лежала раскрытая книга, а глаза были устремлены на девочку, и ласковая материнская улыбка освещала это лицо с ранними морщинками у рта и глаз.

— Хватит, доченька, Мирта уже устала, — сказала она.

— Ой, мамочка, Мирта никогда не устаёт плавать! — откликнулась девочка, но все же послушалась матери и позвала собаку из воды.

Шопот восхищения пронёсся среди отдыхающих, когда собака подплыла к берегу и вышла на песок. Не часто видишь таких гигантских собак; я невольно залюбовался ею. Чёрная от кончика носа до кончика хвоста, с длинной волнистой шерстью, образующей живописные начёсы на лапах и под животом, с пушистым хвостом и свисающими ушами, она, несомненно, принадлежала к столь редкой у нас породе собак-водолазов, родиной которых является далёкий остров Ньюфаундленд, отчего и этих собак обычно принято называть ньюфаундлендами. Не уступая в размерах сен-бернару, который, как известно, относится к одним из самых крупных в мире собак, а, может быть, даже превосходя его, но в отличие от него подвижная, с живым, резвым темпераментом и быстрыми лёгкими движениями, Мирта сочетала в себе силу и ловкость, устрашающий вид и редкое добродушие нрава, которое проглядывало во всех её повадках. Отряхнувшись, она подбежала к старшей хозяйке и растянулась у её ног, а девочка опустилась рядом и, обхватив собаку за шею, погрузила руки в её мягкую густую шерсть.

Я вспомнил про собаку, виденную накануне в море, и рассказал об этом владелице ньюфаундленда, в заключение спросив, не могла ли это быть Мирта.

— Да, да, это была Мирта, — с живостью подтвердила мать девочки. — Мы видели, когда шла «Россия». Мы живём неподалеку отсюда, на даче, у берега моря, а сегодня приехали в город, чтобы посмотреть на праздник... Мирта часто делает так; уплывёт, и нет её иногда и час, и два. Это у неё как ежедневное занятие гимнастикой. Она не может жить без этого.

— А вы не боитесь, что она может утонуть?

— Мирта? Утонуть? Что вы! — рассмеялась молодая женщина.

Она сказала это таким тоном, как будто речь шла не о собаке, а о каком-то существе, на которое не распространялись обычные законы тяготения тел, которому не страшны никакие стихии.

— Ну, а если вдруг — шторм? — не унимался я.

— В шторм? — Она не ответила, и я решил, что заставил её поколебаться в своей уверенности.

Вместо матери ответила дочь.

— Вы не знаете нашу Мирту! — с гордостью и нежностью заявила девочка. Лёгкость и хрупкость её фигурки особенно подчёркивались близостью могучих форм животного.

Так я познакомился с Надеждой Андреевной Доброницкой, её дочерью Верой-Мариной и их верным спутником Миртой, «голубушкой Миртой», как часто называла собаку Надежда Андреевна, вкладывая в эти два слова не только ласку, но, как я понял потом, и благодарность вечному другу человека — собаке. Итак, мне стала известна их необыкновенная и трогательная история, которую я хочу поведать здесь своим читателям.

Вскоре мы встретились ещё раз, на Приморском бульваре, когда над Одессой спустился бархатный южный вечер. Как и все, мы пришли сюда полюбоваться на салют кораблей, на фейерверк, устроенный в честь Первого Мая. Цвели каштаны и белая акация, наполняя воздух тонким, нежным ароматом; над улицами и бульварами, над аллеями парков и скверов плыл гомон нарядной оживлённой толпы; прекрасный город

сиял огнями иллюминации; на рейде и в порту стояли празднично расцвеченные суда.

Вера-Марина шла, обхватив своей тоненькой ручкой руку матери, доверчиво прижимаясь к ней, как всегда делают очень ласковые дети; другой рукой она удерживала за поводок Мирту, послушно выступавшую рядом. Мы опустились по ступеням почти к самой воде,— здесь было не так многолюдно, больше веяло прохладой,— и сели на скамью. Собака легла на гранитных камнях набережной и стала смотреть в море.

Внезапно рейд на мгновение осветился словно заревом пожара. Ударил пушечный салют, громыхнули военные корабли, стоявшие на якорях; прочерчивая в тёмном небе огненный след, полетели вверх ракеты и рассыпались в вышине красными, жёлтыми, синими, зелёными огнями. Собака вскочила и залаяла; затем, успокоившись, снова легла.

Громыхнуло ещё; и опять полетели в небо каскады разноцветных трепещущих огней, многократно отражённых водами залива. Гул и гомон толпы усилились, напоминая шум морского прибоя.

— Как красиво... — чуть слышно проронила Надежда Андреевна. — Каждый раз, когда я вижу это, слышу залпы орудий, — призналась она, — мне хочется плакать...

Опять ударили пушки.

— Я специально каждый раз приезжаю сюда, чтобы услышать эти звуки орудийной пальбы, они так много говорят мне!..

Она умолкла, но ненадолго. Прикоснувшись к тому, что хранилось у неё в душе, она уже не могла не говорить дальше. Вместе с громом салюта нахлынули воспоминания. Подозвав собаку, Надежда Андреевна одной рукой привлекла к себе девочку, крепко обняла её за плечи, пальцы другой перебирали за ушами Мирты.

3.

— Я дочь моряка и жена моряка, — так начала она свой рассказ. — Я родилась и выросла на море. Мой муж был капитаном дальнего плавания. Мы жили в Одессе, куда был приписан его корабль.

Однажды муж привёз из очередной заграничной поездки крупного чёрного щенка. Он сказал, что отдал за него большие деньги и что по повериям моряков тех мест, откуда он вывез щенка, эти собаки приносят морякам счастье. Прошёл год, и щенок вырос в громадную красивую собаку, которая сделалась настоящим другом нашего дома. Когда муж уходил в плавание, Мирта помогала мне коротать ожидание, скрашивая часы досуга; когда он возвращался, я брала её с собой, и мы вместе шли в порт, встречать корабль...

Мы жили счастливо. У меня родилась дочь — Вера. Мне казалось, что нет женщины на свете, более счастливой, чем я.

Но случилась война, вслед за тем началась оборона Одессы.

Теплоход мужа сделался военным транспортом. Теперь он уже не ходил с пассажирами и грузами в далёкие заморские страны, а доставлял в осаждённый город боеприпасы, продукты питания. Обратным рейсом они вывозили на Большую землю раненых. Однажды он ушёл и больше не вернулся... Мне говорили, что они подорвались на мине.

Тогда я как-то плохо сознавала, что муж погиб, что я больше никогда, никогда не увижусь с ним. Мне казалось, что вот-вот донесётся с моря знакомый гудок, я увижу на рейде его теплоход; вот он сам садится в шлюпку и едет ко мне...

Я работала медицинской сестрой в госпитале, проводя в нём дни и ночи; здесь же со мной была и моя дочурка.

Тяжёлое было время. Снаряды и бомбы рвались на улицах, смерть витала над городом. Страшно вспоминать всё это. Но и не вспоминать нельзя. Когда оглядываешься назад, даже не верится, что всё это пришлось пережить нам, что всё это было...

Приближались к концу героические дни обороны. В штабе был получен приказ — эвакуировать город.

Помню зарево пожарищ, охватившее полнеба. Помню скупые слёзы мужчин, оставлявших рубежи, на которых они стояли насмерть. Помню яростный вой немецких самолётов, беспрерывно пикировавших на порт, на позиции защитников города, уходивших последними, залпы морской артиллерии, от которых в домах лопались стекла и осыпалась штукатурка. Не забыть это никогда.

Семьи командного состава эвакуировали в первую очередь. Но я оставалась почти до конца, до полной эвакуации госпиталя.

Уходили последние транспорты. С ребёнком на руках я пришла в порт. Мирта, конечно, с нами. Был тёплый вечер, такой же, как сейчас, с моря тянул свежий ветер. В порту — тьма, наполненная движением людей, тихим бряцаньем оружия... С того дня, как началась война, там не зажигалось ни одного огонька. Только мелькнёт и тотчас погаснет лучик карманного фонарика. Под прикрытием темноты грузились и уходили суда, спеша под покровом ночи пересечь опасную зону, уйти как можно дальше.

В длинной веренице людей, направлявшихся на погрузку, дохожу до трапа, ведущего на борт транспорта, и тут — остановка:

— Гражданка, с собакой нельзя!

Молодой боец морской пехоты в бушлате и бескозырке, с автоматом, стоявший у трапа, преградил мне дорогу.

Что делать? Бросить Мирту?

Я стала просить бойца, чтобы он разрешил мне подняться с собакой на корабль. Он отказал наотрез. Потом наклонился, вглядываясь мне в лицо,— и вдруг слышу: «Надежда Андреевна!»... Оказался моряк из экипажа моего мужа. Он лежал раненый в госпитале, когда теплоход мужа отправился в свой последний рейс; благодаря этому остался жив. Он узнал меня и позволил пройти с собакой,— не мог отказать вдове своего бывшего капитана.

Так мы простились с нашей красавицей Одессой.

Ночью в море разыгрался свирепый шторм. Перегруженный транспорт валяло, как щепку, он тяжело ложился с одного борта на другой. Чтобы людей не смыло с палубы, приказано было держаться друг за друга. Мы надеялись, что хоть немцы-то оставят нас в такую ночь в покое. Но случилось как раз наоборот.

Перед рассветом на нас напали фашистские бомбардировщики. Сбросив осветительные бомбы на парашютах, они принялись один за другим пикировать на корабль.

Разгорелся тяжёлый и неравный бой. Пароход отбивался

от воздушных хищников крупнокалиберными зенитными пулеметами, стрелковым оружием, а самолеты снова и снова заходили для атаки, ложились на крыло и обрушивали на цель свой бомбовый груз.

Нашим зенитчикам удалось сбить два стервятника. Пылающими факелами они упали в море. Но силы были слишком неравны.

Тяжёлая бомба угодила в самую середину корпуса корабля.

Помню взрыв, потрясший всё судно. Полетели палубные надстройки. Начался пожар. Был подан сигнал: всем покинуть корабль.

Прижимая к себе дочурку, я выбежала на палубу. Мирта, не отставая ни на шаг, следовала за мной. Момент был ужасный. Транспорт быстро погружался. Летели в воду спасательные круги, за ними прыгали люди. Огонь пожирал то, что ещё уцелело от взрыва. Стали спускать шлюпки, но одна оказалась изрешечена пулями и пошла ко дну, едва коснувшись воды, другая, переполненная людьми, была разбита прямым попаданием бомбы.

В эти страшные мгновенья я думала только об одном: как спасти мою дорогую девочку, мою крошку Веру. Какой-то боец со скаткой шинели и в каске подал мне пробковый пояс. Я успела обвернуть им ребёнка, который, ничего не понимая, испуганно тянул ко мне ручонки, когда новый, ещё более сильный взрыв потряс корабль.

...Волна горячего воздуха смела меня с палубы и выбросила в море, вырвав из рук ребёнка, а подхвативший шквал сразу же отнёс далеко от парохода. Смутно помню, как я боролась с волнами, как кричала и звала мою Веру. Вокруг меня носились на обломках дерева, барахтались тонущие люди; над головой, расстреливая беззащитных, всё ещё завывали самолёты; а вдалеке догорал на воде гигантский костёр... Потом в памяти — полный провал.

Сознание вернулось ко мне много дней спустя, в госпитале, на Большой земле. Меня и некоторых других подобрала наша подводная лодка. Но Веры среди спасённых не было...

4.

Голос Надежды Андреевны внезапно прервался. Воспоминания взволновали её. Она мягко провела рукой по волосам дочери и, успокоившись, продолжала.

— Прошло несколько лет. Кончилась война. Мы победили.

Снова вернулись мирные дни, мирная жизнь, но для меня это была уже совсем другая жизнь, ибо я потеряла всех, кого любила: мужа, дочь. Даже собаку.

Я не была одинока, нет. Мои друзья заботились обо мне. После пережитых потрясений моё здоровье пошатнулось, ежегодно меня направляли на курорт, давали бесплатно путёвку.

Как-то раз я отдыхала в Крыму, близ Евпатории. Стояла чудесная солнечная погода. А мне в такие дни делалось как-то особенно грустно. Отделившись от компании товарищей, я пошла погулять одна.

Забрела далеко. Дорога пролегала мимо небольшого рыбацкого поселка. Мне захотелось пить, и я направилась к крайнему домику. У калитки, ведшей во внутрь дворика, греясь на солнце, лежала большая чёрная собака. Я взглянула на неё и задрожала: это была Мирта.

Да, да, наша Мирта, живая, невредимая, только несколько постаревшая, с сильной сединой на морде. Она сразу узнала меня, мой голос, бросилась ко мне, принялась ласкаться, лизать, прыгать на меня. Я опустилась перед нею на колени, обнимая её и плача от радости и волнения.

— Мирта, голубушка,— повторяла я.— Ты ли это? Как ты здесь очутилась? Может быть, ты что-нибудь знаешь и про мою дочку Веру?

Я зашла в дом, познакомилась с хозяевами — женщиной и мужчиной,— попросила ответить мне, давно ли живёт у них эта собака, где они взяли её.

Они переглянулись между собой, затем хозяин, высокий, крепкий пожилой рыбак, рассказал мне следующее.

...Однажды ночью, во время шторма,— это было еще на первом году войны,— они услышали звуки стрельбы. Сквозь завывание ветра и удары волн о берег ясно слышались трескотня пулеметов, гулкие взрывы бомб. Далеко в море шёл бой.

Потом на горизонте занялось зарево — горел корабль. Пролетели немецкие самолёты,— рыбак определил их по звуку. Вскоре зарево потухло: шторм довершил то, что начали самолёты.

Рыбак и рыбачка долго стояли на берегу, всматриваясь в темноту, ожидая, не выбросит ли море кого-нибудь, кому понадобится их помощь. Но не было никого. Только водяные валы с грохотом обрушивали свою ярость на прибрежную полосу суши.

Рано утром рыбак снова был на берегу. Он знал: иногда пройдёт много часов, прежде чем море расстанется со своей добычей.

Он не ошибся. Что-то чернело у кромки берегового прибоя. Волнение начало стихать, но отдельные волны ещё докатывались до этого непонятного предмета, оплескивая его пеной и брызгами.

Рыбаку показалось, что это — человек. Но спустившись к воде, он понял, что ошибся: это была громадная чёрная собака, бессильно растянувшаяся на песке, а перед нею лежал какой-то странный сверток, из которого слышался детский плач.

Она была измучена, но бросилась на рыбака, защищая спасённое ею дитя. Потом инстинкт подсказал ей, что это друг, и она позволила ему взять ребёнка — девочку, спелёнутую спасательным поясом.

Более полувека прожил молчаливый суровый рыбак на берегу моря, он видел и штормы и гибнущие корабли, не раз сам смотрел разъярённой стихии в глаза, не раз море прибивало к берегу страшные находки — последствия бурь и кораблекрушений; но ещё никогда не бывало, чтобы оно выбросило из пучины вод живую собаку с живым крошечным ребёнком.

С чудесно спасённым дитятей на руках рыбак вернулся в свою хижину. Вслед за ним пришла жить в дом и собака.

Это были добрые люди, настоящие советские труженики, и они удочерили девочку. Они назвали её Марысей, Мариной, что значит — Морская...

Вы понимаете моё состояние, когда я услышала, что вместе с собакой был ребёнок, маленькая девочка... Ведь это же была моя дочь, моя Вера!

— Где же она? — почти закричала я, бросаясь к ним и тормоша то одного, то другого. Слёзы ручьем лились из моих глаз, а сердце подсказывало, что сейчас я увижу свою дочь.

— Она в школе, скоро придёт,— сказал рыбак.

Он едва успел проговорить это, как в комнату вошла девочка в опрятном аккуратном платьице и переднике, с ученической сумкой в руках, синеглазая блондиночка с косичками,

в которые были заплетены алые ленты. Так это — Вера? Как она выросла! Она уже стала ходить в школу! И тем не менее, я сразу узнала её. Эти синие-синие, как васильки, глаза, эти русые волосы могли принадлежать только ей, моей дочери. Они так живо напомнили мне покойного мужа, её отца... Остановившись у порога, она с любопытством разглядывала незнакомую женщину, недоумевая, почему Мирта ласкается ко мне.

— Вера!..

Я протягивала к ней руки, а она не двигалась с места и удивлённо смотрела на меня.

— Меня зовут Марина, тётя.

Марина! Ну, конечно, она была тогда настолько мала, что даже не помнила своего первого имени. Вера-Марина...

Плача от счастья, я рассказала свою историю. Прослезился и старый рыбак. Громко сморкалась в фартук и вытирала покрасневшие глаза его жена. Только девочка всё ещё не понимала, кто эта тётя, которая так целует и ласкает её, прижимает к себе. Потом поняла и она...

5.

После рассказа Надежды Андреевны мы долго молчали.

Взошла луна и посеребрила длинную дорожку от далёкой и высокой черты горизонта до берега; вечерняя прохлада разлилась в воздухе. Наступил тот час, когда природа с особой силой говорит человеческой душе. Голоса людей, шорохи шагов на бульваре сделались тише, словно отдалились; слышнее стал тихий ропот моря. Море вело свой бесконечный разговор. Оно будто вздыхало о чём-то или шептало волшебную сказку-быль, подобную той, какую мы услышали сейчас. Может быть, оно хотело рассказать о еще неоткрытых тайнах, хранимых в глубине её вод, а, может быть, о том, как много-много тысяч лет назад человек привёл в свой дом из первобытной чащи дикого зверя, стал заботиться о нём, превратил его в союзника и друга и как благодарный зверь сторицей отплатил человеку за его труд и ласку, служа бескорыстно и преданно — на суше, в море... Ведь даже море могло быть тронуто тем, что мы узнали в этот вечер!..

— Поди, побегай! — нарушив молчание, ласково сказала Надежда Андреевна дочери, разжимая объятия и слегка подтолкнув её вперед.

Девочка, лёгкая, как мотылёк, вприпрыжку побежала к воде, с тихим всплеском набегавшей на берег. Мирта тотчас же вскочила и последовала за ней.

— Так это она? — произнёс я, с уважением провожая взглядом собаку.— Настоящая нянька?

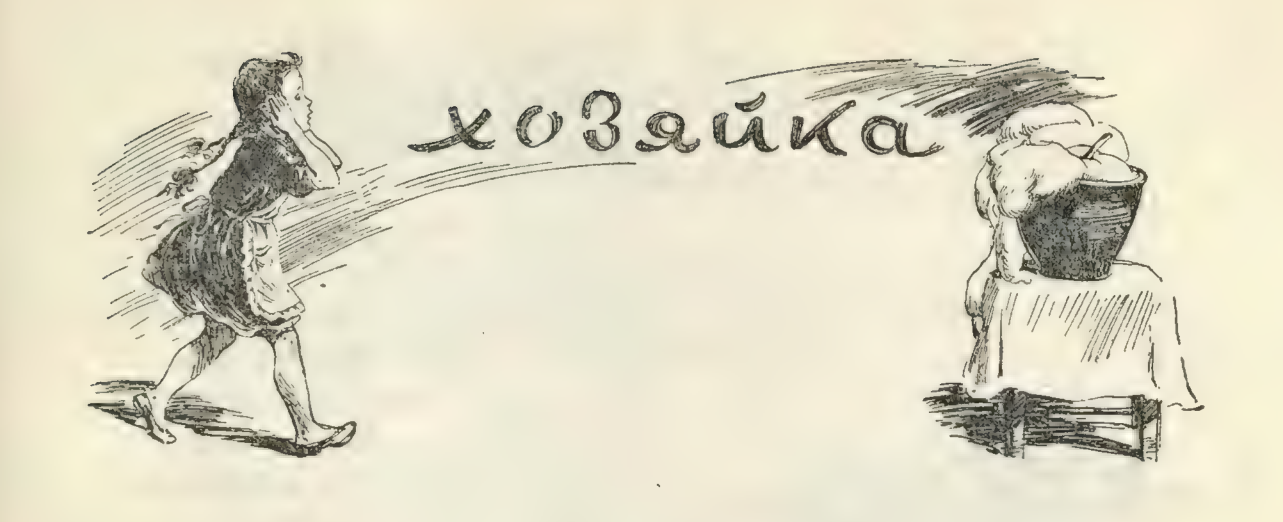
— Нет,— качнула головой Надежда Андреевна.— Это другая, дочь Мирты. Тоже Мирта. И тоже такая же преданная, такая же водолюбивая.

— А где же та?

— Увы, природа обделила собаку — верного друга человека, отпустив ей слишком короткий срок жизни. Той Мирты уже нет в живых. Но мы всегда будем помнить её...

Надежда Андреевна продолжала говорить ещё что-то, но я уже плохо слышал её. Перед моим мысленным взором возникла картина известного художника: бурное море с затянутым тучами горизонтом, в воздухе реют чайки, а на переднем плане, на камнях — только что вышедшая из воды громадная красивая собака; она ещё не успела отдышаться после трудной борьбы с волнами, тяжело ходят её бока, с высунутого языка стекает вода, а на передних вытянутых лапах лежит спасённый ею ребенок,— картина, носящая символическое название: «Достойный член человеческого общества».

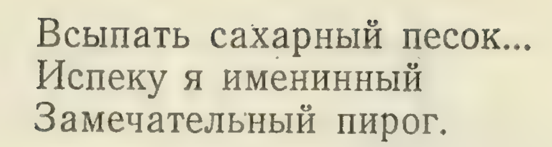

Е. Покровская *Рисунки Е. Гилёвой*

Наступает воскресенье,
Олин праздник — день рожденья.
Платье новое готово,
Будет множество гостей;
Ей надарят, верно, снова
Книг, альбомов и сластей.

Но сказала Оле мама:
— Как же быть?
Не знаю прямо.
У меня подходит тесто,
Но звонил начальник треста —
К нам приехал зам. министра...
В трест должна идти я быстро.

Я недолго прохожу,
Через час вернусь домой,
Но тебя я попрошу
Сделать кое-что-самой.
Нужно тесто подмесить,
В тесто нужно положить
Миндалю и ванилину,

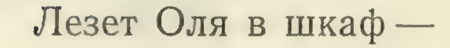

Всыпать сахарный песок...
Испеку я именинный
Замечательный пирог.

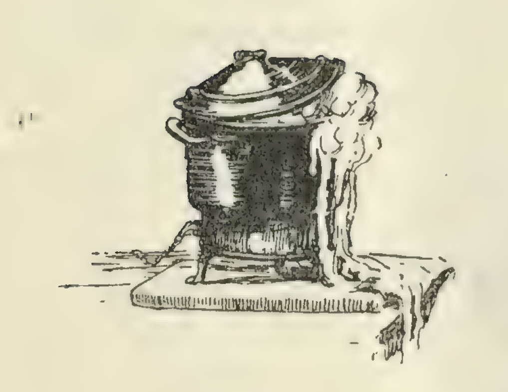
Ванилин, миндаль, корица —
Всё в буфете за горчицей.
Коль придёт к нам тётя Зина,
Пусть начнёт варить обед.
На окне в большой корзине
Хлеб и мясо для котлет.
Молоко согрей в кастрюле...
Платье новое на стуле...
Вот, пожалуй, все дела.
До свиданья, я пошла.

Вот пыхтит в корчажке тесто,
Лезет, лезет через край,
Стало тесту мало места,
Ну-ка, Оля, подбирай!
Что же делать с этим тестом?
Как его остановить?
Ах, велела мама в тесто
Ей горчицы положить.

Лезет Оля в шкаф —
оттуда
С громом падает посуда,
Рассыпается горчица,
Тесто где-то под столом,
Молоко бурлит и злится,
Молоко кипит ключом,
Выбегает из кастрюли,
Заливает стол и стулья.
Платье новое —
хоть брось!
Платье вымокло насквозь.
Оля плачет...
Растерялась...

И откуда столько бед?
Кошка к мясу подобралась —
Нет ни супа, ни котлет.
Под столом торчат лишь кости.

С восклицаньем входят гости
— Поздравляем с днём рожденья!
Замирают в изумленье...

«ЮНЫЕ СКУЛЬПТОРЫ»

Художник пытливо изучает жизнь, подмечает в ней характерное и интересное.

Иногда из случайно подмеченной сценки может родиться картина, которая отражает нашу жизнь.

На вклейке, помещённой в нашем сборнике, вы видите этюд худ. Игошева.

Выпал мягкий снежок. Вышли ребята на улицу и начали лепить снежную бабу.

Но девочка постарше говорит: «Давайте сделаем белого медведя. Ведь это интересней!» С увлечением начали малыши помогать юному скульптору.

Вот вставили вместо глаз и носа чёрные угольки, и сразу ожил мишка. А малыш, который только что вышел на улицу, широко раскрыл глаза и замер от удивления: он и не знал, что из снега можно такие интересные фигуры лепить.

Вот такую сценку подметил художник во дворе своего дома и сделал этюд.

Этот этюд он разовьёт в большую картину о детях.

Знаете ли вы, ребята, картину Григорьева «Вратарь», Решетникова — «Опять двойка», Яблонской — «Весна»?

Все они рассказывают о наших ребятах, о их радостном и счастливом детстве.

В СТЕКЛЯННОМ ДОМИКЕ

Б. Дижур

«Одним из главных предметов изучения и забот человека должно быть растение».

К. А. Тимирязев

1. Уловка хитрой Дидоны

В очень далёкие от нас времена люди считали, что растение — это перевёрнутое вниз головой животное. Они думали, что растение так же, как и человек, заглатывает и переваривает пищу, но добывает её в земле.

На страницах старинных книг можно встретить изображения растений. Вместо корня нарисованы маленькие человечки, а из голов у них растут зелёные побеги.

Но знания о жизни растений постепенно развивались. Стало ясно, что растение питается совсем не так, как человек или животное. Оно само строит органические вещества: белки, жиры, сахар, крахмал. Углекислый газ и солнечная энергия для этого доставляются растению листьями.

А всё остальное добывают корни. Корень — очень важный орган растения. Он не только помогает растению укрепиться в почве, но и извлекает из неё необходимую пищу. Если корень засохнет или заболеет, погибнет всё растение.

Сохранился древний миф о Дидоне. Это была очень хитрая и сообразительная женщина. В мифе рассказывается, как она основала город Карфаген. Однажды Дидона попросила царя выделить ей немного земли. Царь долго не соглашался.

— Я прошу у тебя самую малость! — сказала Дидона.— Дай клочок земли не больше того, что можно смерить воловьей шкурой.

Царю надоела настойчивость Дидоны.

— Пусть уж будет по-твоему! — сказал он.

Но ловкая женщина перехитрила царя. Она разрезала воловью шкуру на тончайшие ремешки. Сшила из них длинную ленту и захватила так много земли, что на этом месте можно было выстроить большой город.

«В устройстве корней природа прибегла к уловке хитрой Дидоны!» — говорил замечательный русский учёный Климент Аркадьевич Тимирязев.

Если осторожно выкопать куст овса или ржи и отмыть его корешки от прилипших кусочков почвы, то можно убедиться, что корни эти забираются вглубь земли на два с половиной метра. А у некоторых растений ещё глубже.

Ещё больше разрастается корень вширь. Один учёный сосчитал длину всех самых мелких корешков куста ржи. Оказалось, что если их вытянуть в одну линию, то чуть-чуть нехватит, чтоб протянуть дорожку от Москвы до Ленинграда.

Но это ещё не всё! Рассматривая корень в микроскоп, видно, что весь он покрыт мельчайшими волосками. Они очень тоненькие. На одном миллиметре корешка их помещается пятьдесят штук.

Учёные подсчитали, что если все волоски одного куста вы-

тянуть в ниточку, то получится дорожка в несколько тысяч километров. Почти столько, сколько от Москвы до Владивостока!

Для чего же растению такое устройство корней?

А для того, чтобы подобно хитрой Дидоне захватить как можно больше земли.

Нелёгкую работу выполняют корни. Они доставляют растению воду и питательные вещества из почвы. Они отыскивают их, ветвясь на тысячи корешков и мельчайших волосков.

Что же это за пища, за которой корням приходится так охотиться?

2. Щепотка соли

Если бы на этот вопрос было легко ответить, то земледельцы в течение многих десятилетий не спорили бы о том, что берёт растение из земли.

Вся трудность в том, что в растение и в почву не так-то просто заглянуть. Человек, лишённый научных знаний, будет беспомощно стоять перед деревом. Он ничего не увидит, кроме яркой зелени листьев и шершавой коры ствола.

Только наука вооружает человека особым зрением. Оно проникает всюду: вглубь земли, и в тайну растения.

Ты знаешь только одну соль — поваренную. Ты каждый день видишь её на столе в солонке и употребляешь её в пищу.

Но кроме этой съедобной соли в природе имеется множество различных других солей. Они имеют горький или горько-солёный вкус, некоторые из них окрашены в красивые цвета. Например, медный купорос, который тебе, наверное, известен. Он имеет яркосинюю, чуть-чуть зеленоватую окраску.

Иные из них очень ядовиты. Другие имеют лечебные свойства. Ты, наверное, слыхал такое название: «глауберова соль», «марганцевокислый калий», «иодистый калий». Может быть, ты даже пользовался каким-нибудь из этих лекарств. Всё это соли.

Есть соли, названия которых тебе вряд ли приходилось слышать. Например, железистые, кальциевые, магниевые, кремниевые, фосфорные, азотные...

Все эти соли химики находили в минералах, в горных породах, в почве. А когда учёные исследовали растения, то оказалось, что в течение всей жизни корни доставляют им воду с растворёнными в ней солями.

Вместе с углекислым газом эти соли служат растению «строительным материалом». Они перерабатываются и образуют тело растения: крепкие стволы, корни, ветви, нежные листья и цветы, плоды, семена. Но тут возникает новый вопрос. Какие же соли из имеющихся в почве участвуют в этом «строительстве»? Может быть, не все они одинаково нужны растению для питания? Не могли ли иные из них попасть в растение случайно?

Например, растёт дерево на почве, богатой солями кальция, и они проникли в него.

А другое растение растет на почве, где много кремниевых солей, и в его теле имеется кремний.

Как же отличить: что попало случайно, и в чём растение испытывает насущную потребность?

«Надо спросить у самого растения!» — говорил Климент Аркадьевич Тимирязев.

А на это он был большой мастер.

3. Спроси у самого растения!

В 1896 году в Нижнем Новгороде (так назывался раньше город Горький) открылась Всероссийская выставка.

Сотни людей со всех концов России съехались сюда. Крестьяне, агрономы, врачи, студенты, школьники и просто любопытствующая публика рассматривали достижения русской промышленности и сельского хозяйства. Особое внимание посетителей привлекал домик со стеклянными стенками и такой же крышей. Этот домик был построен Тимирязевым.

Здесь, в высоких банках с водой, росли гречиха и кукуруза, ячмень, тыква, конопля, овёс...

День за днём поднимались вверх крепкие стебли с пышной листвой. Сквозь прозрачное стекло были видны чистые белые корни. Растения вырастали без единой крупинки земли.

В этом стеклянном домике Климент Аркадьевич ставил интересные опыты. Он создавал растениям такие условия, при которых они не могли скрыть ни одной тайны и сами рассказывали о своих потребностях.

Климент Аркадьевич делал так:

В одних банках были все соли, обнаружённые учёными в растении. А в других — всё, кроме какой-нибудь одной.

Растению задавали вопрос: как ты себя чувствуешь без солей калия? Или без солей железа? Или без солей фосфора? И растение тут же отвечало на заданный вопрос. Оно переставало развиваться. Листья у него желтели. Вскоре оно совсем погибало.

Зачем же нужны такие опыты?

Конечно, не из простого любопытства. Зная, в чём нуждается растение, можно управлять его жизнью, получать большие урожаи.

Тимирязев устроил стеклянный домик, чтобы наглядно показать, как живёт и развивается растение. Он хотел, чтобы каждый крестьянин знал потребности растения, он мечтал помочь своей родине построить земледелие на научной основе.

4. Исследования продолжаются

Восемьдесят лет тому назад создал Тимирязев свой стеклянный домик. Это было очень скромное по внешнему виду сооружение. В наше время любая колхозная теплица или хата-лаборатория значительно лучше оборудованы, да и размерами больше.

Но роль этого домика очень велика. Здесь впервые в России начались серьёзные научные опыты над питанием растений. Тщательно и настойчиво выяснились их потребности.

Теперь, когда жизнь растения детально изучена и почти все тайны его известны, учёные умеют по внешнему признаку определить: хорошо ли питается растение? Не испытывает ли оно в чём-либо недостатка?

Например, посмотрит агроном на бледнозелёные листочки растения, на его красноватые жилки, на низкий рост и догадывается: растению нехватает солей азота. При правильном азотном питании растение хорошо растёт, листья его делаются тёмнозелёными.

Или, скажем, недостает растению фосфорного питания. Оно тоже перестаёт расти. Но листья у него меняются иначе. Они желтеют с краёв и постепенно отмирают и отпадают, начиная с нижних.

Любой агроном теперь знает и другое: ко всем веществам у каждого растения своё особое отношение, свои «вкусы». Картофелю, например, нужно побольше калия. А пшенице и ржи — побольше фосфора.

Кроме того, в разном возрасте растение требует различной пищи. Например, овёс. Чем он моложе, тем больше потребляет он солей калия. А уже в «зрелом возрасте», когда нальётся колос,— потребность в калии у овса исчезает. А вот магний нужен ему всё время...

Все эти наблюдения, да и многие другие собраны за долгие годы развития науки о питании растений. А начало её у нас в стране заложил Климент Аркадьевич Тимирязев в своём стеклянном домике.

Он и его ученики показали наглядными опытами, что растению для правильного питания, кроме воздушной пищи, нужна вода с солями: азота, калия, фосфора, кальция, серы, железа и магния.

Но наука о питании растений развивается дальше.

В лабораториях и на опытных полях, в сотнях исследовательских институтов растению продолжают задавать всё тот же вопрос: чего тебе нехватает, чтоб расти ещё лучше?

* * *

С некоторых пор учёные начали замечать, что многие растения отказываются расти, хотя и получают достаточное количество всего, что считается для них обязательным. Задумались и

над таким вопросом: чем объяснить, что в растениях встречаются иной раз медные соединения, иногда цинковые? Играют ли они какую-нибудь роль в жизни растения или попали случайно? А в конце прошлого века учёные обнаружили в растениях вещества, каких раньше не находили: молибден, рубидий, цезий, титан. В других растениях встречается иод, бром, алюминий.

Есть такая трава — рясочка. Она живёт в водоёмах и извлекает из воды радий. Да и не одна ряска содержит радий. Известно, что его находят в чернике. Известно также, что небольшие дозы радия увеличивают урожай гороха. Одному учёному удалось проверить влияние радия на огурцы, сахарную свёклу, морковь. И он утверждает, что радий повышает сахаристость и ускоряет созревание.

Учёные не знали, как объяснить все эти явления? И как всегда, в таких случаях возник спор. Одни говорили: — «Это всё случайные примеси!» — А другие возражали: — «Нет! Эти вещества необходимы живому организму!»

Как же решить: кто прав?

У науки есть для этого только один способ: проверить утверждения опытом.

И вот началась проверка. Учёные брали соли меди, марганца, алюминия и многие другие вещества и действовали ими на растения. И что же оказалось?

Новые вещества, которыми старались воздействовать на растения, требуются в очень маленьких дозах. За это они получили название: микроэлементы. Много интересного открылось благодаря новым опытам.

Теперь никто уже не говорит о том, что бор или цинк, медь или марганец попали в растение случайно.

Наоборот, учёные заметили, что многие болезни, раньше необъяснимые, происходят от недостатка в пище этих веществ. И это относится не только к растениям, но и к животным и к людям. Нам тоже нужны микроэлементы!

Теперь учёные даже слово «случайное» вещество употребляют с осторожностью. Кто его знает! Сегодня оно кажется случайным, пока о нём мало известно. А завтра изучат его значение, и выяснится, что оно жизненно необходимо!

5. Бронзовая болезнь

В Грузии, Азербайджане и на Черноморском побережье разводят очень ценное дерево. Называется оно тунг. У него мощные раскидистые ветки, широкие, округлые листья и крупные белые цветы. Плод у него имеет два семени и похож на грецкий орех.

Плоды тунгового дерева богаты древесным маслом. Его употребляют при изготовлении лаков и красок. Пропитывают им паклю при конопачении судов, пользуются при окраске морских судов, потому что тунговое масло не портится от морской воды. Много тунговых деревьев растёт в Китае, в Японии, в Индии, в Бразилии и на островах Тихого океана.

Китайцы употребляют тунговое масло при производстве туши. Полинезийцы употребляют его в пищу.

Давно было известно, что тунг легко заболевает странной болезнью. В начале лета вдруг начинает изменяться окраска некоторых листьев. Они приобретают бронзовый оттенок. Заболевшие листья начинают темнеть. На них появляются пятна. Лист как бы частями отмирает, делается рваным и, наконец, отпадает. Новые листочки, образующиеся на побегах, остаются очень маленьких размеров. Ветки перестают расти в толщину. Так заболевает сначала один-два побега. Но начавшаяся болезнь быстро охватывает всё дерево. Оно оказывается совсем неподготовленным к зиме. С трудом переносит зимние холода и к весне теряет часть ветвей.

Проходит два-три года, и тунг стоит опустошённый, с голыми больными ветвями.

За цвет, который приобретают листья тунга, болезнь эта издавна называется бронзовой. Долго не могли учёные разгадать её причины. Пробовали лечить тунг разными способами. И самым лучшим лекарством оказались соли цинка.

Стоило несколько раз спрыснуть тунг раствором соли цинка — дерево выздоравливало. Можно этой же солью цинка подкармливать дерево, внося её в почву, и тогда бронзовая болезнь не наступит.

Так была найдена разгадка бронзовой болезни. Она вызывается цинковым голоданием тунга. Но потребность в цинке

обнаружена не только у тунговых деревьев. Оказывается, лимонные деревья, мандарины, апельсины, персики, абрикосы, помидоры, тыква, горчица и гречиха тоже нуждаются в цинке и страдают, когда его не хватает.

6. Урожай на торфянике

Садоводы давно знают, что если опрыскивать виноградную лозу раствором медной соли, гроздья винограда становятся вдвое больше, виноградины крупнее и слаще. И что ещё удивительно: осенью на виноградниках, опрысканных этим раствором, долго-долго не опадают листья.

— Нельзя ли подкармливать растения медной солью? — подумали учёные.

Попробовали. Осенью в почву, на которой растут озимые хлеба, прибавили медную соль. Прибавили и в почву, где росли плодовые деревья.

И что же?

И озимые хлеба и плодовые деревья стали выносливее. Они лучше сопротивлялись морозу.

Пробовали действовать медью и на картофель. Картофель давал лучшие урожаи.

На высушенных болотах, на торфяниках плохо растут овёс, пшеница, ячмень.

Оказалось, что почвы бывших болот и торфяников бедны солями меди. А медь нужна растению. Она участвует в дыхании растения, влияет на работу хлорофилла.

Советские агрономы стали удобрять почвы торфяников не только водными растворами солей меди, но и отходами от медеплавильных заводов. Урожаи повышались в два-три раза. Такие работы проводились в Белоруссии, в Московской области, на Украине и в Сибири.

Постепенно выяснилось, что медь нужна и животным. Она входит в состав крови и печени. И если коровы или овцы пасутся на пастбищах, где в траве мало меди, они тяжело болеют.

Есть такая болезнь — лизуха. Животные теряют аппетит и беспрерывно лижут окружающие предметы. Болезнь эта мучительна. Животные нередко погибают. Раньше не умели ни объяснить происхождение этой болезни, ни лечить её.

Теперь стало известно, что она вызывается недостатком меди в организме.

Заботясь о том, чтобы растение получило в пищу соли меди, агрономы создают лучший корм животным.

7. Больная свёкла

Стояло очень сухое лето. Земля потрескалась и посерела. Растения точно приуныли в ожидании спасительного дождя. Особенно грустно выглядели листочки сахарной свёклы. Они почернели и совсем засохли. А черешки приобрели бурую окраску и стали ломкими.

Когда отмерла вся листва, начал гнить корень.

— Тут дело не в засухе! — объяснил агроном.— Ваша свёкла нуждается в дополнительной подкормке, без которой свёкла заболевает «гнилью сердечка».

Агроном повёл нас на свой участок и показал две грядки. На одной так же, как на наших, доживала свой век загнивающая на корню свёкла. На другой поднимались яркие, сочные здоровые свёкольные листья.

— Вот этим растениям я давал борную кислоту,— указал агроном на здоровую грядку.— А те,— он указал на больные растения,— оставил, как и вы, без внимания.

— А мы и не знали, что свёкле нужна борная кислота! — признались мы.

— Наверное, в том районе, где вы раньше жили, почва содержит достаточное количество бора. Поэтому вам не пришлось думать о дополнительной пище для растений.

— А у нас иначе...— объяснил агроном и рассказал нам о том, что учёные ставили опыты, проверяя влияние бора на коноплю, лён, подсолнечник, табак, хлопчатник и другие растения.

Оказалось, что в боре очень нуждаются многие растения.

Очень страдают от отсутствия бора вишни, абрикосы, яблони и груши.

На юге нашего Советского Союза, там, где разводят апельсины, лимоны и мандарины, садоводы теперь изучают влияние бора на рост и плодоношение этих деревьев. Они заметили, что бор даёт прирост веток и улучшает рост лимонных деревьев.

8. Мичуринский миндаль

Но бывает и так. Растение получает самое разнообразное питание, и в том числе бор, а всё же болеет. Листья покрываются жёлтыми пятнами. Края листьев заворачиваются кверху.

В чём же дело? Оказывается, растению требуется ещё одна соль — марганцевая. У сахарной свёклы без неё наступает желтуха.

И не только свёкла нуждается в марганце.

Кукуруза и ячмень, овёс и шпинат, сахарный тростник и горох не могут жить без него.

В нашей стране марганцевые удобрения применяют во многих местах: на Украине, в Узбекистане, в Закавказье. Это не только предохраняет растения от болезней, но и помогает им лучше развиваться.

Интересные опыты провёл Иван Владимирович Мичурин. Он поливал раствором соли марганца сеянцы миндаля. Обычно миндаль в первый год достигает высоты не более 50 сантиметров, а цветёт и даёт плоды только на шестой год. Мичуринские сеянцы уже в первый год были в три с половиной раза выше обычных, а заплодоносили на второй год.

Такого поразительного действия микроэлементов на рост и развитие растений ни одному исследователю до Мичурина получать не удавалось.

Так продолжается и развивается дело, начатое Тимирязевым в его стеклянном домике.

У юных мичуринцев

Л. Сорокин *Рисунок В. Бубенщикова*

Редиска спряталась в земле,
Одна ботва торчит над грядкой.
Капуста, хоть лежит в тепле,
Оделась в шубы для порядка.

Но раскраснелся помидор:
— Жара, дышать совсем, мол, нечем!
А на него глядит в упор.
Из-за стекла морозный вечер.

Мороз напрасно ищет щель,
Он скоро убедится в этом.
Пусть за окном шумит метель,
А здесь у нас
в разгаре лето!

Электрик

М. Найдич *Рисунок В. Бубенщикова*

Хоть глаза у парня озорные,
Но на столб
Он влез не для забав:
Поразвесил провода тугие,
Всю голубизну разлиновав.
В разговорах парень очень скромен,
А к своей профессии ревнив;
Очутившись с облаками вровень,
Он потуже затянул ремни.
У него сегодня день горячий:
Скоро час придёт — и наяву
Линия электропередачи
Побежит отсюда на Москву.
И гордится юноша, конечно,
Мастерством и ловкостью своей.
От его работы безупречной
И в домах, и на душе светлей.

И. Збарский

Появление первой почтовой марки тесно связано с историей развития почтовой связи. По некоторым данным, возникновение почты относится к эпохе царствования египетских фараонов (2300 лет до нашей эры). По другим сведениям, почтовые сношения берут начало в древней Персии, где между определёнными пунктами было установлено по нескольку почтовых станций, на которых находились наготове верховые гонцы. Эти гонцы с большой быстротой доставляли донесения до следующей станции, откуда новый гонец доставлял почту дальше.

Пользоваться почтой могли только определённые лица для государственных целей. Расходы, связанные с содержанием почтовых станций, часто приходилось нести населению, проживающему вдоль почтовых дорог. В Римской империи, где существовали специальные гонцы, почта отличалась большой скоростью. Само слово «почта», происходящее от латинского слова «Posta», является сокращённым названием от слов «станция с переменными лошадьми».

В России пересылка корреспонденции на далёкие расстояния была организована в XIII веке.

В царской России услугами почты, в основном, пользовались лишь правящие классы. Для сельских местностей, отдалённых от путей сообщения, отправка и доставка писем были весьма сложны.

Лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции почта стала достоянием всех трудящихся. В Совет-

ском Союзе имеются все виды быстрой перевозки почты: железная дорога, морской и речной флот, автотранспорт и авиация.

Почтовая марка — это знак предварительной оплаты доставки письма отправителем.

Первая русская марка была выпущена 10 декабря 1857 года в количестве 3 000 000 штук. На ней был изображён государственный герб, скрещенные между собой два почтовых рожка и надписи «Почтовая марка» — вверху и «10 коп. за лот»[1] — внизу. Первые русские марки вышли без зубцов, они отрезались от листа ножницами. Марки с зубцами появились через год.

Тематика русских марок была однообразной. На протяжении 60 лет существования русских почтовых марок на них неизменно помещалось изображение герба царского самодержавия, а в 1913 году вышла серия марок с портретами русских царей.

Вскоре после появления первых почтовых марок нашлись люди, которые стали их собирать. Первые коллекционеры оклеивали марками стены комнат в виде обоев. Это давало повод для всякого рода насмешек. Но впоследствии собирание почтовых марок вызвало большой интерес. Коллекционирование почтовых марок стало называться филателией (от греческого «любовь к знакам»), а коллекционеры почтовых марок — филателистами.

В дореволюционной России филателия была распространена, главным образом, среди состоятельных людей, так как приобретение новых марок нередко было дорогим удовольствием. После Октябрьской революции с появлением первых советских марок интерес к их собиранию значительно возрос, а филателия стала доступным увлечением для самых широких масс.

В Советском Союзе коллекционированием почтовых марок увлекается не только молодежь, для которой филателия спо-

---

[1] Лот — 12,8 грамма.

собствует приобретению и расширению самых разнообразных знаний, но и люди старших поколений.

Государственная коллекция почтовых марок Советского Союза находится в Ленинграде в музее Связи имени А. С. Попова. Эта коллекция по своей полноте и качеству не имеет равных в мире. Она размещена в нескольких десятках прекрасно оформленных альбомов.

Периодические выставки советских почтовых марок знакомят с многогранной тематикой марок нашей страны. В 1924 году состоялась Первая советская филателистическая выставка в Москве.

В 1946 году в связи с 25-летним юбилеем советской почтовой марки в Москве, Ленинграде, Киеве и других крупных городах СССР были устроены тематические выставки советских почтовых марок.

В Советском Союзе почтовая марка является не только знаком почтовой оплаты, но и миниатюрным политическим плакатом, рассказывающим о крупнейших успехах советского народа в области промышленности, сельского хозяйства, техники, строительства, культуры и науки. Поэтому у нас стало традицией отмечать выпусками почтовых марок исторические даты и знаменательные события в жизни нашей страны.

Советские почтовые марки являются, кроме того, произведениями искусства, так как к изготовлению их привлечены выдающиеся художники и лучшие мастера полиграфии.

Первая советская почтовая марка, выпущенная в августе 1921 года, является аллегорией исторической победы Великой Октябрьской социалистической революции. Лучи восходящего солнца проникают в открытую темницу, в которой пролетарий-победитель попирает сраженного им дракона, символизирующего царское самодержавие.

Особенной любовью пользуются марки, на которых запечатлены образы вождей революции — В. И. Ленина и И. В. Сталина. Перед нами почтовая марка с изображением профилей Ленина и Сталина. Её тематика: «Сталин — продолжатель бессмертного дела Ленина».

Ряд марок посвящён основоположникам научного социализма Марксу и Энгельсу.

1924-1944
30 К ПОЧТА СССР К 30

1
ПОЧТА СССР

СССР
Авиапочта
СХЕМА
1 РУБ

12
С С С Р
40

ПОЧТА 30

800
МОСКВЫ
5 КОП ПОЧТА СССР

30

40

ХОСТА
40
ПОЧТА СССР

40

25

На советских почтовых марках даются также портреты выдающихся деятелей советского государства, литературы, науки, искусства.

Большой интерес вызывают марки, рассказывающие о достопримечательностях столицы СССР — Москвы. На марке большого формата воспроизведено изображение Крымского моста, одного из прекраснейших творений советской техники.

Гордостью послевоенной Москвы являются высотные здания. На серии почтовых марок воспроизведены макеты 8 высотных зданий.

На почтовой марке достоинством в 1 рубль показан проект 16-этажного высотного здания у Красных Ворот.

Московский метрополитен справедливо пользуется славой лучшего в мире. Каждая станция представляет собой подземный дворец. Скульптуры и художественные фрески, посвящённые разным темам, рассказывают о героическом прошлом и творческом труде советского народа. Перед нами многокрасочная почтовая марка, посвящённая одной из самых крупных станций в мире,— «Комсомольская-Кольцевая».

Широко показано на почтовых марках активное участие советской женщины в экономической и общественно-политической жизни страны. На марке, посвящённой выборам в Верховный Совет СССР, изображена советская женщина, отдающая свой голос за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

В Советском Союзе охрана здоровья трудящихся является предметом особой и постоянной заботы советского правительства. Ежегодно в здравницах нашей страны отдыхают миллионы рабочих, крестьян и работников умственного труда. Эта исключительная забота государства нашла своё отражение и на почтовых марках. На следующей марке показан санаторий Министерства путей сообщения, расположенный на берегу Чёрного моря в первоклассном курорте Хоста.

На почтовой марке крупного размера достоинством в 1 рубль, выпущенной для оплаты авиапочты, показана схема воздушных линий аэрофлота. Карта нашей Родины, покрытая густой сетью авиалиний, является ярким доказательством развития авиапочтовой связи Советского Союза.

Большое количество почтовых марок посвящено советским детям. На марке стоимостью в 30 копеек изображены пионеры во время летних каникул. Юные авиамоделисты испытывают сконструированные ими модели самолётов и планеров.

Почтовые марки периода Великой Отечественной войны повествуют о героической борьбе советского народа за свободу и независимость Родины. Часть марок посвящена Героям Советского Союза. Перед нами марка, рассказывающая о незабываемом подвиге Зои Космодемьянской.

В нашей стране физкультура и спорт являются одним из мощных средств в укреплении здоровья трудящихся. На художественно выполненных марках показаны разные виды спорта, которыми увлекается советская молодёжь.

Советские почтовые марки рассказывают о мощном движении народов в защиту мира. Вот марка с изображением земного шара, опоясанного лентой, на которой рука, символизирующая народные массы, чертит благородные слова: «Мы — за мир!» На первом плане — люди, жаждущие мира, ставят подписи под требованием сохранения мира.

Из года в год присуждаются Международные Сталинские премии представителям прогрессивных сил разных стран за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира. На одной из последних советских марок помещено изображение медали лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Медаль с изображением И. В. Сталина укреплена на колодке, перевитой голубой лентой, на которой расположена пальмовая ветка — символ мира.

Советские почтовые марки, посвящённые созидательному труду советских людей, достижениям в деле строительства коммунизма, борьбе за сохранение и упрочение мира, говорят о том, что советский народ под руководством Коммунистической партии Советского Союза полон решимости до конца отстоять дело мира.

Машинист

Е. Фейерабенд — **_Рисунок И. Колмогорцевой_**

Детская железная дорога.
Паровоз — блестящие бока.
Машинист в окошко смотрит строго,
Дожидаясь третьего звонка.

И хотя порою в школе Петя
До сих пор бывает шалуном,
Но сейчас и взрослые и дети
Уважают труженика в нём.

Всё купе заполнили ребята.
Громко прозвучал сигнальный свист.
И движеньем плавным регулятор
Нажимает юный машинист.

Мчится поезд, и уже далёко
И вокзал нарядный, и перрон.
Не вперегонки ли мимо окон
Ёлочки мелькают с двух сторон?

Мы уже летим быстрее ветра,
Но толкуют спутники о том,
Что в конце второго километра
Есть какой-то каверзный подъём.

Если у подъёма растеряться,
Полный ход заранее не дать,
То в дороге можно задержаться,
Можно на минуту опоздать.

Но в котле, наверно, вдоволь пара:
Всё быстрее ровный стук колёс.
Поезд вдаль ведёт надёжный парень,
И силён красавец-паровоз.

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

А. Яковлев *Рисунки И. Колмогорцевой*

Жил-был в лесу косоглазый зайчишка-мальчишка.

Бегал-прыгал всюду, травкой и молодыми ветками питался, на зиму в белую шубку одевался.

Жил бы он, поживал, беды не видал. Уши длинные, ноги быстрые, любого зверя издалека услышит, через кочки в глухую чащу ускачет...

Да вот беда: чересчур любопытный да хвастливый был зайчишка. Где что заметит, про что узнает, туда скачет, сам видеть-слышать хочет. А потом рассказывает другим зайцам — похваляется: смотрите, какой я храбрый!..

И оттого, что всё ему сходило да хорошо кончалось, возомнил о себе зайчишка непомерно: и быстрей-то его нет и сильней его нет, и умнее нет и может он делать, что только захочет. Через куст прыгнет — скажет, что в небо летал; на пень на-

ткнется — говорит, гору свернул, мышь спугнет — хвалится, что волки от него бежали.

Старые зайцы слушают, ухмыляются, косыми глазами переглядываются. А молодые зайчишки и впрямь верят и завидуют: смотри, какой храбрец завёлся!.. Всё-то он видел, всё знает, ничего не боится.

И такая слава о нём среди зайцев пошла, что и сам хвастунишка стал верить, что ему всё можно, всё позволено.

Вот однажды пробегал он чащей и заметил медвежью берлогу.

Поводил зайчишка ушами, собрался было дальше скакать, да взяло его любопытство.

— Дай,— думает,— послушаю, о чём медведи в берлоге разговаривают, что они там, толстые, делают. То-то все зайцы удивляться будут!..

Сказано — сделано.

Вспрыгнул любопытный зайчишка на снежную берлогу, засунул длинное ухо в отверстие, откуда пар подымается, насторожился весь, слушает.

А тем временем проходит мимо дед Мороз.

Зимой в лесу за порядком дед Мороз смотрит.

Днём по лесу шагает — деревья трещат, ночь не спит — еще сильнее следит. Ленивых подгонит, забияк-драчунов по

носу щёлкнет; глупцов, которые уши оттопырят, за ухо дёрнет.

Увидел он зайчишку, что у медвежьей квартиры сидит, подслушивает, рассердился сразу.

Хотел крикнуть:

— Ты что делаешь, скверный зайчишка-плутишка?

Хотел так крикнуть, да удержался.

«Нет,— думает,— я тебя иначе накажу».

А зайчишка припал ухом к берлоге, не оглядывается, слушает, как медведь лапу сосёт, в тесной берлоге тяжело дышит да кряхтит-поворачивается.

Слышит он и радуется:

— Так тебе и надо, косолапый. Ишь, куда забрался. Шубу самую тёплую надел, всю малину в лесу съел — жиру запас, силы, наверное, за трёх зайцев набрал, а сам в конуру залез и кряхтит. Да я б на твоём месте по всему лесу ходил, никого не боялся, даже самого деда Мороза!..

Разговаривает зайчишка про себя, ещё глубже ухо в дырку задвинул, хвостик торчком выставил.

И не заметил косой, как мороз всё сильнее становился, как мягкий снег ледяной коркой покрылся. Расхрабрился он совсем и уж громко в берлогу кричит:

— Вон, посмотри на меня. Шуба у меня лёгкая: так, пиджачок заячий. И силы немного. А небось в берлогу не прячусь, никого не страшусь. Бегаю всюду, кормлюсь и тебя, медведину страшенного, не боюсь. Вот, сижу и слушаю, что ты там делаешь.

Только сказал последние слова зайчишка, как рявкнет медведь:

— Прочь с моей берлоги, зайчишка-трусишка.

Обмер заяц от страха. Рванулся что было силы, и прямо на поляну отскочил.

Глядь, а уха-то и нет — к берлоге примёрзло.

А зайчишка и тому рад, что живым остался. Припустил в лес, что было силы.

Засмеялся дед Мороз, пальцем погрозил, ещё морозу добавил.

Так и остался любопытный заяц с одним ухом.

Все звери про то узнали и своим детишкам показывали:

«Вон, смотри, с одним ухом любопытный заяц скачет. Вам наука: не лезь, куда не надо!..»

ЛЁТЧИК

Е. Хоринская *Рисунки Е. Гилёвой*

Пролетает самолёт,
Самолёт ведёт пилот.

Он, ребята, смелый, ловкий,
И в боях бывал не раз...
Он однажды на зимовке
Мальчика больного спас:

Там врача на помощь ждали,
А кругом был снег да лёд,
Вьюги злобно бушевали.
Из Москвы тогда послали
Санитарный самолёт.

И пилот сказал:— «В дорогу!»
Полетел во мгле ночной.
Он врача доставил к сроку,
Этот лётчик молодой.

Он летает высоко,
Он летает далеко,
И на север и на юг.
Не боится гроз и вьюг.

ЛИСА и МЫШИ

К. Панкратов *Рисунки И. Колмогорцевой*

В лесу зимой от мороза деревья потрескивают, а снег похрустывает. Ходит по лесу Лиса в своей тёплой рыжей шубе и не мёрзнет. Такая у неё тёплая шуба, что никакой мороз ей не страшен. Один нос у Лисы открыт. Но нос свой Лиса бережёт: как замёрзнет, ляжет, свернётся клубочком, а нос пушистым хвостом прикроет и согреет.

Всю ночь ходила Лиса по лесу. Хотела Зайца поймать, да Заяц бегает быстро — убежал. Хотела Куропаткой закусить, но та очень уж хорошо прятаться умеет — найти её не могла.

Есть Лиса хочет, а охота неудачная. Решила Лиса в поле пойти, мышей ловить.

Зимой мыши под снегом живут. У них там норки длинные во все стороны прокопаны. Тепло мышам в этих норках, и никто их там не видит: ни ястреб, ни ворона, ни лиса.

...Настало утро. Солнышко снег осветило, и стал он блестеть и искриться. Ходит Лиса и слушает: не пискнет ли где под снегом Мышка.

Мыши уже проснулись и бегали по своим мышиным делам. Одна бежала по норке, и вдруг у неё впереди норка обвалилась. Рассердилась Мышка и запищала. А Лиса тут как тут. Как прыгнет сверху. Снег обвалился и придавил Мышку. Мышка испугалась, стала возиться, к своей норе пробираться. Тут Лиса снег сверху быстро раскопала и Мышку поймала.

Отряхнулась Лиса от снега и снова принялась за охоту.

Вот опять Мышка запищала. Взмахнула Лиса хвостом, прыгнула и придавила её снегом. Стоит, прислушивается.

А эта Мышка хитрая оказалась. Она замерла и не шевелится. Подумала лиса, что Мышка убежала и пошла искать другую, а хитрая Мышка скорее к себе в норку.

ЁЖИК

Ночь спустилась над землёй. Птицы спать легли, в лесу тихо и темно.

Ёжик вышел из норы, пошуршал иголками и пошёл бродить по лесу.

Лапы у Ёжика твёрдые — постукивают, иглы на спине похрустывают, сам Ёжик идёт, пофыркивает.

Найдёт вкусный корешок — съест, почавкает; поймает лягушку, — маленьким ежатам тащит, торопится, сопит.

Шёл Ёжик около болота, наткнулся на змею Гадюку. Гадюка зашипела: хотела Ёжика напугать. А Ёжик не испугался. Стал Ёжик на Гадюку наступать.

Старается змея Ёжика ужалить, а он ей колючий лоб подставляет: на лбу Ёжика самые острые иглы.

Изловчилась Гадюка и укусила Ёжика в нос. Больно Ёжику, но не страшно: яд Гадюки для всех опасен, а на Ёжика не действует.

Придавил Ёжик змею лапками, схватил за голову острыми зубками, стал трясти её так, что у Гадюки и дух вон.

Потащил он Гадюку к себе в нору, чтобы угостить ею маленьких колючих ежат. Тут по лесу Волк бежал. Увидел он Ёжика и хотел его съесть. Как прыгнет Волк на Ёжика, как схватит его зубами.

А Ёжик уже свернулся клубочком — во все стороны колючки торчат. Никак до него не доберёшься.

Укололся Волк о колючки, затряс головой, взвыл от досады.

Стал Волк Ёжика по земле катать. Как ни повернёт — везде колючки. Катал, катал Волк Ёжика да и наступил на брошенную Гадюку. Сильно испугался Волк, думал, что змея живая, поджал хвост под брюхо и убежал.

Полежал Ёжик ещё немного колючим клубочком, а потом чуть-чуть развернулся, понюхал своим чёрным носиком воздух: нету ли близко злого Волка.

Забрал Ёжик Гадюку и притащил её к себе в нору. Всех ежат накормил.

А тут и солнышко взошло, птицы запели, дятел застучал, а Ёжики спать легли.

Ёжики днём спят.

В лесу осень наступила. Листья на берёзах пожелтели и падают на землю золотым дождём. Только сосны и ели такие же зелёные, как летом, стоят.

Очень красиво осенью в лесу.

Нина с папой по лесу гуляют. Хорошо: ни мух, ни комаров, ни злых оводов. Только с дорожки уходить нельзя: ночью дождь прошёл, и трава в лесу мокрая.

Вот кто-то в лесу застучал.

— Папа, это кто стучит?

— Это дятел, дочка. У дерева есть враги: жуки и червяки. Они живут под корой или глубоко в дереве. У дятла клюв твёрдый и острый. Клювом он дерево долбит и достаёт жуков и червяков.

— Как мне дятла посмотреть хочется,— сказала Нина.

Тогда папа сказал:

— Давай спрячемся за сосны. Только сидеть нужно тихо и ничего не говорить. Ни слова. Дятел сейчас к нам сам прилетит.

Спрятались Нина с папой за сосны, папа взял маленькую палочку и стал ею по сухому сучку стучать. Получается, как у

дятла. Постучит, постучит, а потом перестанет и снова постучит.

Дятел услыхал, как папа стучит, и подумал, что это другой дятел в его владения прилетел. Сердито крикнул дятел: «Кик»,— и полетел к дорожке.

Прилетел, на сосну сел, головой вертит — незваного гостя ищет. Папа стучать перестал.

Дятел пёстрый, красивый и очень строгий. По стволу сосны прыгает, хвостом в дерево упирается.

Папа думал, что Нина дятла не видит, и стал ей рукой на него показывать, а Нина не вытерпела и громко сказала:

— Вижу!

Дятел испугался и улетел в лес. Он очень рассердился за то, что его обманули, и стал кричать: «Кик...кик...кик... кик».

Долго Нина с папой по дорожке шли и слышали, как дятел сердится.

А им весело было.

Как Вова *птичек кормил*

Вова совсем маленький. Он ещё и в школу не ходит. Только на будущий год пойдёт.

На дворе холодно, а дома скучно: сестра и брат в школу ушли, папа с мамой на работе, бабушка у печки хлопочет.

Дедушка одну сказку рассказал, а потом говорит:

— Подожди, Вовка, немножко. У меня дело есть,— сел на маленький стульчик и стал валенок подшивать.

Сидит Вова у окна и скучает.

Вдруг на окошко, с той стороны, птичка села. Заглянула чёрным глазиком в окно, почистила клювик, громко пропела: «Пинь, пинь, пинь» и улетела на дерево.

Птичка зелёная, брюшко жёлтое, а щёчки белые, и совсем маленькая, как воробей, даже ещё меньше.

— Дедушка, смотри, птичка,— закричал Вова, вскочил ногами на стул и стал смотреть на птичку. А та прыгала на дереве с ветки на ветку, и рассмотреть её никак нельзя было.

Поднялся дедушка со стульчика, подошёл к окну, посмотрел на птичку:

— Синица зелёная.

— Дедушка, поймай мне её.

— А на что тебе?

— Посмотреть хочется. Я её кормить буду.

— Кормить ты её можешь и на воле, да еще не одну.

Принёс дедушка со двора доски да палочки, попилил пилой, постучал молотком и устроил кормушку. Повесил дедушка кормушку перед самым окном на дерево, а в кормушку насыпал разных зёрнышек, хлебных крошек и кусочек сала привязал.

— Вот и смотри сейчас на птичек. Только не забывай им корм прибавлять.

Вова до вечера сидел у окна, а птички не прилетели. Тогда он спросил у дедушки.

— Дедушка, ты меня обманул?

— Нет, не обманул я тебя, — сказал дедушка, — птички завтра прилетят.

На утро Вова как оделся — так и к окну.

На кормушке две зелёные птички сидят, сало теребят. Долго бы смотрел Вова на птичек, да бабушка велела умыться и завтракать посадила. После завтрака Вова опять у окна сел. На кормушке синичек уже не было; но был воробей с коричневой грудкой и маленькая серенькая птичка с красным лобиком — чечётка. Потом прилетел пёстрый щегол. У него перышки и белые, и красные, и жёлтые.

Прилетел снегирь с красной грудкой и ещё один — голубой без красного. Дедушка сказал, что это снегириха.

А ещё явился поползень. Он смешной: по дереву ловко бегает, даже вниз головой.

Прилетела синичка-гаечка, такая маленькая, такая пухленькая, что другой такой и на свете нету.

Вова сам корм в кормушки каждое утро насыпал.

Пшено и конопляные семечки для щеглов и снегирей, сало для зелёных синиц, овёс для пуночек и овсянок. Когда Вова ягоды рябины положил, то прилетели свиристели. Они большие, красивые, с хохолком.

Скоро птички так привыкли к Вове, что и бояться его перестали. Отлетят немного в сторону, а совсем не улетают.

Так всю зиму Вова смотрел на птичек и кормил их.

И папа, и мама, и дедушка с бабушкой — все говорят, что он хорошее дело делает.

В. Г. ПЕРОВ

1834 – 1882
4
ЯНВАРЬ

Многим ребятам, вероятно, известна картина «Тройка» замечательного русского художника 19 века В. Г. Перова. На ней изображено трое ребятишек — подростков, оборванных и усталых, которые с трудом везут в гору на салазках огромную обледенелую бочку с водой.

На улице холодно, ветер завывает и сечет по лицам, треплет старенькую одежду, а дети вынуждены выполнять свою обычную работу, чтобы получить у хозяина себе на хлеб.

Вот измученная фигура девочки. Окоченевшими от мороза руками она крепко сжимает верёвку, трущую плечо; её ноги, обутые в чужие большие ботинки, с трудом переступают по скользкой снежной дороге. В центре — мальчик постарше. Другой мальчик, идущий с краю, одетый в отцовское пальто, рукава которого почти касаются земли, выбился из последних сил, еле-еле держится на ногах, но продолжает тянуть салазки. Ря-

дом бежит собака — верный друг и спутник ребят. В этой картине художник сочувственно показал суровую жизнь бедных детей царской России, их безрадостное детство. Серовато-тусклый цвет, которым она написана, усиливает тягостное ощущение зрителя. По содержанию «Тройку» можно сравнить с рассказами о детях Чехова, Короленко и других русских писателей. За эту работу и другую картину «Приезд гувернантки в купеческий дом» Перов получил звание академика.

Задумав «Тройку», Перов стал подыскивать соответствующих его замыслу натурщиков. Однажды он встретил на улице крестьянку с мальчиком, пригласил их к себе в мастерскую и в присутствии матери уговорил её сына позировать.

Второй раз мать мальчика пришла к Перову через 5 лет. Она рассказала ему о своём горе — о смерти сына и просила продать ей картину, для которой он когда-то позировал. К тому времени «Тройка» уже находилась в Третьяковской галлерее. Художник волновался и беспокоился: узнает ли женщина среди множества картин изображение мальчика, сделанного с её сына. Мать быстро нашла его. Художник написал для неё с этой картины новый портрет.

Дети в творчестве Перова занимают значительное место: их он с любовью изобразил во многих картинах: «Спящие дети», «Птицелов», «У последнего кабака», «Похороны крестьянина».

Василий Григорьевич Перов родился 120 лет тому назад, 4 января 1834 года, в семье прокурора, небогатого барона Криденера. Способности его к рисованию проявились ещё в детстве, он перерисовал почти все картины, находившиеся в доме. Отец одобрительно относился к его занятиям.

Будущий художник умел очень красиво и чисто писать, за что его первый учитель, дьячок, прозвал его Перовым. Это прозвище потом стало официальной фамилией великого русского художника.

Десяти лет Перов поступил в Арзамасскую художественную школу — первое провинциальное училище в России. А в 1852 году он уехал в Москву для поступления в Московское училище живописи и ваяния, где и проучился 7 лет.

Родители не помогали сыну, и юноше приходилось переносить большие материальные лишения. Однако он не бросил

учебу. Перов много занимался, рисовал, много читал, особенно любил произведения Гоголя, живо интересовался природой, наблюдал жизнь и быт людей, копировал и изучал наследие русских и иностранных мастеров прошлого. Особенно увлекался творчеством известных русских художников Федотова и Тропинина.

Русская живопись в 18 веке ещё продолжала сохранять классические традиции. Искусство тогда было оторвано от жизни и не интересовалось ею. В картинах художников преобладали мифологические, религиозные и исторические сюжеты.

Однако уже в 18 веке отдельные художники стали отображать окружающую их действительность, людей и быт крестьянской деревни.

В 40-х годах 19 века ярким представителем бытовой живописи явился замечательный русский художник-реалист Федотов. Продолжателем лучших сторон его творчества явилась могучая школа художников-передвижников [1], одно из ведущих мест в которой, наряду с Крамским и Мясоедовым, занимал Перов.

В результате большого общественного подъёма, который в 60-х годах переживала Россия, в 1871 году возникло Товарищество передвижных выставок.

Оно объединяло лучшие силы художников-реалистов, у которых были общие революционно-демократические взгляды на роль искусства в обществе.

Картины передвижников смело отображали жизнь угнетённого крестьянства, рабочего класса и трудовой интеллигенции, обличали недостатки существующей действительности.

Перов — мастер жанровой картины, замечательный сатирик. В таких произведениях антицерковного характера, как «Сельский крестный хор на пасхе», «Проповедь на селе», «Чаепитие в Мытищах», Перов поднимается до высоты сатиры Салтыкова-Щедрина.

В картине «Крестный ход на пасхе» впервые в русской живописи дано такое смелое, резкое и беспощадное изображение

---

[1] Передвижники — группа передовых художников-реалистов, боровшаяся с реакционным искусством. Своё название они получили от Товарищества передвижных выставок.

пьяного духовенства. Царское правительство запретило выставлять эту картину для широкой публики и воспроизводить её в печати.

А посмотрите, сколько ненависти и насмешки сумел вложить художник в картине «Чаепитие в Мытищах» в образ толстого самодовольного монаха, отдыхающего за чаем, и как сочувственно показал слепого калеку-солдата и его мальчика-поводыря, собирающих подаяние. Эта картина была написана под впечатлением виденной сцены на пути в Троице-Сергиеву Лавру.

В 1862 году Перов уезжает за границу для дальнейшего совершенствования и для ознакомления с творчеством художников запада. Он побывал в Берлине, Дрездене, Париже, Риме. Но живя на чужбине, он тосковал по Родине и понял, что подлинные произведения искусства сможет создать только в России. Через 2 года, получив разрешение от Академии художеств, он досрочно вернулся на Родину и жил в Москве.

В поисках сюжетов для картин он много ездил по деревням, интересовался жизнью крестьян, посещал нижегородскую ярмарку. В 1865 году в результате этих наблюдений и под впечатлением поэмы Некрасова «Мороз – Красный нос» Перов написал «Похороны крестьянина». В картине показано тяжёлое горе, которое переживает крестьянская семья. Выполненная скромными красками, она вызывает глубокое сочувствие к обездоленным и угнетенным. Эта картина — одно из крупнейших произведений русской живописи 19 века.

В 1871 году в Петербурге открылась первая выставка работ художников-передвижников. Ей суждено было сыграть огромную роль в дальнейшем развитии русского изобразительного искусства. Передвижные выставки путешествовали по разным городам. Они всегда были большим событием в культурной жизни страны и собирали тысячи зрителей.

Среди картин первой выставки особенно большим успехом пользовались работы Перова «Рыболов» и «Охотники на привале».

Кроме жанровых картин, Перовым созданы замечательные портреты его современников: Достоевского, Островского, Тургенева, Майкова, Аксакова, Даля и других.

В жизни Перов был обаятельным, отзывчивым и внимательным человеком. Приходившие к нему за помощью всегда получали поддержку.

Немногие, вероятно, знают, что Перов был и литератором. Его рассказы печатались в журналах того времени.

В 1869 году художник пережил большое личное горе. У него умерла жена, а вскоре умерли сын и дочь. Горе надломило Перова: начался туберкулёз. Умер Перов в 1882 году в Москве.

Советский народ бережно хранит память о Перове, замечательном русском художнике, внёсшем огромный вклад в развитие русского реалистического искусства. Его произведения, ставшие достоянием народа, находятся в Третьяковской галлерее в Москве, в Русском музее в Ленинграде и различных музеях нашей страны. В Свердловской картинной галлерее имеется два портрета работы Перова. Его произведения и по сей день не потеряли своей прелести. Перед ними всегда собирается много зрителей.

Картины Перова рассказывают нам о тяжёлой жизни в Царской России и помогают ребятам ещё больше оценить их счастливое детство в советской стране.

ЛЮБИМЫЙ ПИСАТЕЛЬ УРАЛЬСКИХ РЕБЯТ

1879—1950
27
ЯНВАРЬ

27 января исполнилось 75 лет со дня рождения Павла Петровича Бажова. Ниже мы помещаем воспоминания о нём писательницы Е. Хоринской.

Большой и неизменной любовью любил Павел Петрович Бажов детей, независимо от их возраста и характера. Не терпя сюсюканья, он всегда разговаривал с детьми серьёзно, с уважением, как с равными, и это особенно подкупало ребят.

Павел Петрович обычно подчеркивал, какое большое значение для человека имеют прочные знания.

Бережно хранят нижнесергинские пионеры письмо Павла Петровича, заканчивающееся следующими словами:

«..Желаю вам успехов и прежде всего, конечно, в учебе.

Что ни говори, а для людей вашего возраста самое главное — «учиться, учиться и учиться». Эти слова Владимира Ильича Ленина нельзя забывать ни на один миг и надо, чтоб это было видно в табелях. Будьте здоровы, веселы и по-хорошему готовьтесь к жизни.

П. Бажов».

Об этом же неоднократно говорит Павел Петрович и со своим внуком Вовой. Тепло и задушевно звучит его голос, и выплывает из строчек письма знакомая бажовская улыбка:

«Милый Вовик!

Письмо твоё получили. Хорошо, что у вас переложили печь и стало тепло, ещё лучше, что перестал болеть гриппом, приятно, что растёт передний зуб. Всё это хорошо, но ты забыл написать, как у тебя дела с таблицей умножения. Её ведь всё-таки надо одолеть и незачем откладывать на будущий год. Выучить её так, чтоб от зубов отскакивала, и на всю жизнь спокойно».

В другом письме к Вове, от 26 марта 1946 года, Павел Петрович снова возвращается к этой теме:

«...Не забудь написать и о таблице умножения. Она ведь в твои годы — самая главная крепость, которую нужно взять. По порядку ты её знаешь, теперь надо одолеть вразбивку.

Когда я был учителем, то заметил, что больше всего путаются в таких местах таблицы:

$3\times9=27$ и $4\times7=28$
$6\times8=48$ и $7\times7=49$
$6\times9=54$ и $7\times8=56$

С трудом тоже одолевается $6\times7=42$ и $7\times9=63$.

Советую тебе написать всё это большими цифрами на бумажке, чтоб всегда было перед глазами, пока окончательно не выучишь таблицу. Пишешь ты для своего возраста чистенько,

читаешь хуже. Надо и в этом не отставать от других, а для этого следует читать каждый день хоть понемножку.

У нас в доме все здоровы. Вместо мальчика Валерика теперь с тётей Анютой живёт девочка Тома.

Во дворе — тоже по-старому. Петух орёт, куры кудахчут, Зона бока на солнышке греет. Ральф скачет. Даже Слива перед весной веселее бродит.

Ну, будь здоров, пиши поскорее ответ.

Твой дедушка».

С особой нежностью говорил Павел Петрович о внуке Никите:

«У нас вон появился новый внук, так он больше всё спит. Покушает — и спать. Хорошо ведёт себя. Тоже старается поскорей вырасти. Если и дальше будет вести себя также, то и не заметишь, как вырастет».

Несмотря на огромную занятость, Павел Петрович всегда был в кругу ребячьих дел и интересов, огорчался их неудачами, радовался их успехам.

Огромное значение придавал П. П. Бажов пионерской работе. Часто и подолгу разговаривал он с пионерскими и комсомольскими работниками, а со многими из них у него возникла трогательная дружба.

В каждом письме, в каждой беседе Павел Петрович выступал, как чуткий педагог, любящий и внимательный воспитатель.

На один из вопросов ребят о творческих планах Бажова он ответил:

«...продолжаю работать над новыми сказами. Более подробно говорить о своих намерениях не очень люблю... В нашем ведь писательском деле нередко случается — задумаешь написать что-нибудь, а не выходит. Конечно, надо добиваться, чтоб вышло. Но вот в это время произойдёт в жизни государства что-нибудь такое, что заслонит прежнюю мысль, и начинаешь работать над другой темой. Поэтому вот и стараюсь не рассказывать вперёд о том, что ещё не делается. Мне здесь надо быть осторожным и потому, что теперь работаю не очень быстро.

Наобещать и не сделать, по-моему, хуже всего. А вы как думаете?»

Ребята множество раз перечитывали «Малахитовую шкатулку», инсценировали отдельные сказы, рисовали к ним иллюстрации. А кто из свердловских школьников не встречался с Павлом Петровичем! Дети радостно здоровались с ним на улицах, и он приветливо отвечал им. Его приглашали в школы, клубы, детские дома на вечера и пионерские костры, и Павел Петрович старался никогда не отказывать ребятам. А памятные встречи во Дворце пионеров! Никогда не забудут юные свердловчане, как в комнату, со стен которой смотрели на них знакомые герои бажовских сказов, неторопливой походкой входил сам автор и начинал тёплую, задушевную беседу.

Многие из ребят до сих пор бережно хранят свои пригласительные билеты с надписью:

«Медной горы Хозяйка приглашает тебя на ёлку». Павел Петрович любил эти затейные ёлки и ежегодно бывал на них. Бурным восторгом встречали его ребята, где бы он ни появлялся. Тысячи рук взлетали в дружных аплодисментах. Это была настоящая большая дружба с любимым писателем. Дети любили его героев, смелых, умелых, чистых сердцем. Не беда, что в детских рисунках иногда персонажи изображались по-своему: приказчик изображался фашистом, а мастер Данила оказывался в форме танкиста. Ничего не поделаешь, время было военное, и такой хороший человек, как Данила, непременно должен был сражаться с врагом!

Целые альбомы рисунков присылали дети Павлу Петровичу в юбилейные дни. Вот тщательно оформленный альбом воспитанников Нижне-Исетского детского дома. Здесь собраны иллюстрации к любимым сказам. На обороте каждого рисунка трогательная надпись.

А сколько писем-треугольников написано на вырванных из тетрадей листочках!

«Здравствуйте, дорогой, многоуважаемый Павел Петрович!

С первой строки можете догадаться, что это Вам пишет совсем Вам незнакомый и неизвестный мальчишка — читатель, который очень любит читать Ваши сказы...»

Ребята Уралмаша, приглашая Павла Петровича в гости в июле 1950 года, писали:

«Мы горячо любим Вас, нашего старейшего уральского писателя, создателя сказов «Малахитовой шкатулки», которой зачитываются наши советские школьники».

В дни своего 70-летнего юбилея Павел Петрович получил от юных читателей много поздравлений, пожеланий здоровья и творческих успехов. Некоторые из этих писем были в стихах, безыскусственных, но проникнутых большим искренним чувством.

Я никогда не забуду этот пасмурный декабрьский день... Накануне мы получили телеграмму о смерти Павла Петровича... Было очень трудно поверить в это...

Тяжко было войти в знакомый дом на улице Чапаева. Беспрерывно звонил телефон. Десятки людей, знакомых и незнакомых, спрашивали об одном и том же...

К дому подходили дети, множество детей самого разного возраста. Было холодно. Мела позёмка. А они молча стояли у крыльца и ждали. Едва кто-нибудь выходил из дома, дети бросались к нему и взволнованно спрашивали.

— Тётя, это правда, что умер Павел Петрович?..

— А когда его привезут?

— А нас к нему пустят?

У многих катились по щекам слезинки.

Весь день возле дома были дети. Они часами стояли у крыльца. Потом они целыми школами шли прощаться с Павлом Петровичем в зал Филармонии.

А когда наступила весна и солнечные лучи проникли в тенистый сад, сюда снова явились дети. Они пришли, чтобы унести отсюда какой-нибудь кустик, отводок от дерева, посаженного руками любимого писателя, пересадить его в свой школьный сад, бережно растить и холить в память о писателе.

...Шумят ветвями молодые бажовские деревца, посаженные свердловскими пионерами. Подрастают и ребята, хорошая молодая поросль.

АРКАДИЙ ГАЙДАР

1904—1941
22
ФЕВРАЛЬ

На рассвете 26 октября 1941 года под деревней Ляплява фашисты убили замечательного советского детского писателя Аркадия Петровича Гайдара.

Аркадий Петрович, как только началась Великая Отечественная война, уехал на фронт и был пулемётчиком в партизанском отряде, который действовал вблизи деревни Ляплява. Разведали фашисты местонахождение отряда и напали на партизан. С боем отступили партизаны в глубь леса. Но оставаться здесь было опасно, решили перебраться в другой лес. Ночью вышли на край деревни и залегли в кустах.

Выслали разведку, узнать, не занята ли деревня врагами. С четырьмя партизанами пошёл в разведку и Гайдар.

В деревне немцев не было, и разведчики повернули обратно. Они направились вдоль железнодорожного полотна к переезду.

В это время отряд эсэсовцев засел у переезда.

Гайдар первым наткнулся на засаду.

Враг был так близко, что Гайдар даже не успел вытащить гранату. Только своей смертью мог он дать знать товарищам о враге. Обернувшись назад, он поднял руку и громко крикнул:

— За Родину! За Сталина! Вперёд! — и один бросился навстречу врагу. Фашисты открыли огонь, осветили ракетами ещё тёмное небо.

Партизаны были предупреждены. А Гайдар, сражённый фашистской пулей, упал на землю...

Аркадий Петрович Гайдар прожил светлую, честную жизнь.

Родился он 22 февраля 1904 года в городе Льгове в семье учителя Петра Исидоровича Голикова.

Из Льгова семья Голиковых переехала в небольшой старинный русский городок Арзамас, утопающий в фруктовых садах. Здесь-то и прошло детство Гайдара.

В 1914 году Аркашу отдают в реальное училище, в первый класс.

1914 год был первым годом мировой войны. Отца забрали на фронт. Мать осталась с семьёй одна. Работала она фельдшером. Целый день она находилась в больнице, и дети были предоставлены сами себе.

Аркаша сильно тосковал об отце. Почти через день писал ему на фронт. Однажды мальчик не вернулся из школы. Оказалось, что на уроках он тоже не был, товарищи не видели его.

Дома поднялся переполох. Сестры — Наташа, Оля и Катя — плакали, мать в отчаянии разыскивала его. Дали знать в полицию. На другой день вечером Аркашу привезли. Нашли его вёрст за десять от города на станции, в лесу. Только матери мальчик сознался, что шёл к отцу на войну.

Аркаша был способным мальчиком.

Читал он очень много. Любимым писателем был Гоголь. Его «Вечерами на хуторе близ Диканьки» мальчик зачитывался. Позднее увлекался Пушкиным, Лермонтовым, Жюль-Верном, Марком Твеном.

По русскому языку у Аркадия всегда были отличные отметки.

Учитель словесности и русского языка, по прозвищу Галка, любил Аркадия за большие способности, чувствовал в нём дарование.

Когда пришла революция, Аркадий посещает и кадетские лекции, и эсеровские митинги, бывает в клубе большевиков. И скоро убеждается, что правы большевики, что только они отстаивают правду и свободу. И он решает отдать жизнь за свободу. Он расклеивает по городу большевистские лозунги, пишет революционные стихи для ученической газеты.

В дни Октября вместе с большевиками участвует в защите города от кадетов.

Друзья и товарищи любили Гайдара, враги уже тогда ненавидели его. Однажды в тёмном переулке его ранили ножом в грудь.

Осенью 1918 года в Арзамас переехал штаб Восточного фронта. Это событие сыграло решающую роль в жизни Гайдара. Четырнадцатилетним мальчиком уходит он добровольцем на фронт.

В это же время партия посылает мать Гайдара, Наталью

Аркадьевну, в Среднюю Азию на борьбу с басмачами. Отец тоже находится на фронте. Он комиссар дивизии, борется с Колчаком.

Дома остаются одни сёстры.

Гайдар, окончив военную стрелковую школу, семнадцатилетним юношей командует сначала батальоном, потом полком.

«Частенько я ошибался,— пишет Гайдар об этом времени,— срывался, бывало даже своевольничал, и тогда меня жестоко за это свои же обрывали и одёргивали, но всё это пошло мне только на пользу».

В боях с белыми Гайдар был несколько раз ранен и контужен.

В армии Гайдар думал остаться на всю жизнь.

Однако в 1924 году его увольняют из армии по состоянию здоровья. В отчаянии Гайдар пишет прощальное письмо Красной Армии и отправляет его Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Легендарный командарм вызывает к себе Гайдара и советует ему писать. Это пожелание совпало с мечтами самого Гайдара. Окрылённый, уходит он от Фрунзе. Красная Армия посылала его в литературу!

Осенью 1924 года в одно московское издательство пришёл молодой человек, высокий, широкоплечий, но больной на вид. Он принёс рукопись о гражданской войне.

«Редактор замахал руками:

— Не надо! Гражданской войны у нас чересчур много. Нам нужны другие темы.

Человек молча повернулся, чтобы уйти. Он сделал уже несколько шагов к двери. Но что-то было в нём такое, что заставило редактора остановить его. Не чувствовалось в нем ни бойкости одних молодых авторов, ни чрезмерного смущения других. Он был немного угрюм, сдержан, болен и как будто готов к любому ответу...

— Подождите, не уходите так. Принесите мне вашу рукопись завтра. Мы её посмотрим.

— Почему же завтра? Я могу вам принести сейчас, вот она...

И молодой человек положил на стол перед редактором ту самую рукопись, которую за минуту до этого протягивал ему.

— Как ваша фамилия? — спросил редактор...

— Как хотите... Голиков, а то, может быть, и... Гайдар,— ответил автор.

— Это что же ваш псевдоним?

— Ещё не решил. Может быть, будет и такой псевдоним! Разве это плохо?

— А что такое Гайдар? Странный псевдоним!... такого никогда не слыхал.

— Вы не могли слышать. На монгольском языке такие слова есть. Гайдар — это человек на коне, то есть всадник или верховой, которого обычно высылают впереди войска на дозор... Но я ещё не решил. Может быть, буду и просто Аркадий Голиков. Тоже неплохо». [1]

Рукопись, которую принёс Гайдар в редакцию, называлась «В дни поражений и побед». Это было первое произведение, написанное Гайдаром.

Великий критик Виссарион Григорьевич Белинский писал, что детским писателем нужно родиться.

Аркадий Петрович Гайдар в самом деле родился детским писателем. Он очень любил ребят и написал для них такие чудесные книги, как «РВС», «Школа», «Дальние страны», «Военная тайна», «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда», «Чук и Гек»...

Его книги, искренние, чистые, мужественные, учат советских детей быть смелыми, честными, мужественными, любить свою Родину и ненавидеть врагов, быть бдительными.

Действуют в них самые обыкновенные ребятишки. Под руководством старших они совершают посильные для их возраста подвиги. Герои повестей и рассказов Гайдара стали любимыми героями советских ребят.

Аркадий Петрович погиб в расцвете творческих сил.

И если бы не фашистская пуля, много бы ещё славных книг написал он для ребят.

---

[1] Фраерман. «Наш Гайдар».

Прах Гайдара похоронен в городе Каневе на высоком днепровском берегу, недалеко от могилы Тараса Шевченко.

Советский народ, советские ребята всегда будут с благодарностью вспоминать писателя-бойца Аркадия Гайдара.

Я. М. СВЕРДЛОВ

1885 - 1919

16

МАРТ

В центре Свердловска, напротив театра оперы и балета, где в 1917 г. был провозглашён переход власти в руки большевистского совета, возвышается монумент. На гранитном постаменте памятника высечена надпись — «*Якову Михайловичу Свердлову (товарищу Андрею)*[1] — *уральские рабочие*». Таким пламенным, зовущим к революции, устремлённым к будущему запомнили Якова Михайловича — верного ученика и соратника В. И. Ленина — старейшие коммунисты, его товарищи по революционной борьбе.

Я. М. Свердлов приехал на Урал осенью 1905 г. по заданию Центрального комитета партии для усиления партийного руководства. К этому времени он был уже зрелым большевистским руководителем, представляя, по выражению В. И. Ленина, «наиболее отчеканенный тип профессионального революционера».

Яков Михайлович родился в 1885 году в семье ремесленника-гравёра в Нижнем-Новгороде (теперь город Горький). Пятнадцатилетним юношей он вступил в революционное движение. До приезда в Екатеринбург (Свердловск) он вёл крупную организаторскую работу в Нижнем, Ярославле, Костроме, Казани. Перед приездом в Екатеринбург Свердлов побывал в Перми. Екатеринбург радостно встретил «товарища Андрея». «Крепкая дружба стала складываться между Андреем и местными членами партии с первых же шагов,— вспоминает жена революционера К. Т. Свердлова.— Урал в эти месяцы реши-

[1] Партийная кличка Я. М. Свердлова.

тельной революционной схватки с царским правительством больше, чем когда-либо, нуждался в крепком, подлинно большевистском руководстве».

В Свердловске и его окрестностях сохранилось много мест, хранящих память о революционной деятельности Свердлова.

На одной из центральных улиц города стоит, окружённый зеленью, двухэтажный дом, на фасаде которого установлена мраморная мемориальная доска с надписью: «В этом здании в 1905 году под руководством Якова Михайловича Свердлова работала подпольная партийная школа агитаторов и пропагандистов большевиков». В мезонине этого дома — комната, где проходили занятия. Окна тщательно занавешены. На столе покрытая бумажным абажуром горит керосиновая лампа, такая же лампа — на стене. Тусклый свет выхватывает из темноты самодельные скамейки, стул. Здесь, в тайне от полиции, постоянно опасаясь её налёта, уральские большевики и передовые рабочие изучали марксистско-ленинскую теорию.

В страстных речах, произносимых на митингах и нелегальных массовках, Я. М. Свердлов призывал рабочих к вооружённому восстанию. Талантливый организатор, «организатор до мозга костей», он умело выбирал места революционных митингов и массовок. Одно из таких мест нелегальных собраний, проводившихся с участием Я. М. Свердлова,— Шарташские Каменные палатки.

Теперь Каменные палатки — излюбленное место экскурсий свердловчан. Сюда приходят школьники и взрослые, чтобы осмотреть историческое место, выслушать рассказы участников нелегальных собраний.

О другом загородном месте выступлений Якова Михайловича рассказывает в своих воспоминаниях К. Т. Свердлова.

«Помню большой митинг, на котором выступал «Андрей» впервые в Екатеринбурге. Собрались близ городской станции железной дороги, где лес был достаточно густой и легко можно было скрыться, если выследят. «Андрей» не заставил себя долго ждать. Одним из первых пришёл на митинг. Переходил от одной группы товарищей к другой, оживлённо разговаривал, деловые разговоры перемежал шуткой... Начался митинг. Выступил «Андрей». Он призывал нас к решительной борьбе с самодер-

жавием. Оратор заражал своим горячим энтузиазмом, укреплял волю к борьбе и веру в победу... Говорил «Андрей» так же просто, как делал всё: никаких заученных ораторских жестов, никакой игры голосом...»

В цехах заводов, на трибунах народных собраний, на площадях, в рядах демонстрантов, на тайных сходках в лесу — всюду, где собирались трудящиеся Екатеринбурга в дни первой русской революции, вместе с массами и во главе масс были большевики, руководимые верным ленинцем Я. М. Свердловым.

Царская охранка усиленно преследовала Свердлова. Смело появляясь на нелегальных собраниях и митингах, Я. М. Свердлов и члены Екатеринбургского комитета большевиков оставались неуловимыми для властей. Причина этого в том, что «этот профессиональный революционер никогда ни на минуту не отрывался от масс. Если условия царизма и обрекали его, как и всех тогдашних революционеров, на деятельность преимущественно подпольную, нелегальную, то и в этой подпольной и нелегальной деятельности тов. Свердлов шёл всегда плечо к плечу и рука об руку с передовыми рабочими» (В. И. Ленин). Рабочие охраняли его на митингах от покушений черносотенцев, выводили с территории завода, оцепленной полицейскими, укрывали в своих квартирах.

Однако в июне 1906 г. в городе Пермь (Молотов) охранке удалось арестовать Я. М. Свердлова. Суд приговорил его к двум годам крепости. Он отбывал их в тяжёлых условиях в екатеринбургской тюрьме. Но и здесь он был активным борцом за ленинские принципы построения партии, вёл политическую работу среди заключённых и сам упорно изучал марксистско-ленинскую теорию. После выхода из тюрьмы Яков Михайлович вёл революционную работу в Москве и Петербурге, где его вновь арестовали и отправили в Нарымскую ссылку. Картины и документы, хранящиеся в Государственном музее Я. М. Свердлова, рассказывают о несгибаемой воле и неиссякаемой энергии революционера, который и в суровых условиях ссылки умел организовать вокруг себя людей, вселить в них бодрое чувство веры в будущее.

«Тоска бежала от Якова,— вспоминали его друзья по ссылке,— он не скучал. Ещё пять часов утра, а он уже на ногах...

Вечно занятый, ни минуты не сидевший сложа руки, Яков не ощущал в такой сильной степени мертвящей скуки ссылки. И невольно, глядя на него, сами мы переставали тосковать и заражались жизнерадостным чувством».

Яков Михайлович с детства увлекался спортом, это помогло ему стать выносливым, легко переносить суровую жизнь в ссылке. Летом он много ездил в лодке, зимой ходил на лыжах. Очень любил быструю езду на собаках и научился владеть упряжкой собак не хуже местных жителей. Любопытно, что одна из собак, обычно спокойная, становилась зверем, когда в квартиру Свердлова приходил стражник. Прежде чем войти во двор, стражник должен был постучать в окно, и «внезапный налёт» становился невозможным.

В тюрьмах и ссылках Я. М. Свердлов много читал. Находясь в камере предварительного заключения в Петербурге, Яков Михайлович спешит запастись литературой, торопит всех товарищей: «Посылайте книги». В тюрьме он перечитал западноевропейских классиков. В тюрьме же он овладел немецким языком, прочитал Шиллера и Гейне в подлинниках, читал свободно, редко прибегая к словарю. С любовью относился Свердлов и к современной русской литературе, внимательно читая всё, что появлялось по инициативе и под редакцией М. Горького. Работа над книгами не носила случайного характера, она велась по определённому плану.

В Туруханской ссылке Я. М. Свердлов находился одновременно с товарищем И. В. Сталиным. Здесь Яков Михайлович пробыл до падения самодержавия. После возвращения из ссылки партия направила Свердлова на Урал для укрепления партийной работы, для подготовки к вооружённому восстанию.

Уральские рабочие хорошо помнили товарища Андрея и были рады снова увидеть его жизнерадостным, полным энергии.

В конце апреля 1917 года под руководством товарища Свердлова проходила первая свободная областная Уральская конференция. Решения конференции показали глубокое единство мыслей преданного ленинского ученика Я. М. Свердлова со своим учителем — В. И. Лениным. После конференции в Екатеринбурге стала выходить большевистская газета «Ураль-

ская правда». Апрельская поездка 1917 года была последней поездкой Я. М. Свердлова на Урал. Несмотря на горячее желание работать на Урале, он должен был оставаться в центре.

Утром 24 апреля в Петрограде открылась Всероссийская апрельская конференция. Свердлов выступил на ней с докладом об Урале. Апрельская конференция избрала Якова Михайловича членом Центрального Комитета, с первых же дней после конференции он стал секретарём ЦК. На его долю выпала ответственная организационная работа по подготовке к Великой Октябрьской социалистической революции. Вскоре после победы революции Яков Михайлович был избран председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Он был, как говорил Владимир Ильич, выдвинут на пост первого человека в первой социалистической Советской республике. Мастер-организатор подпольных рабочих кружков, Свердлов стал таким же мастером-организатором советской власти. По определению товарища Сталина, Яков Михайлович «был одним из первых, если не первым, который умело и безболезненно разрешил эту организационную задачу по строительству новой России». Вместе с Лениным и Сталиным Я. М. Свердлов участвовал в подготовке первой советской Конституции. Он уделял большое внимание Коммунистическому союзу молодежи. В письмах, адресованных партийным организациям, Яков Михайлович писал: «Юношество — наш верный помощник в настоящем и наша надежда в будущем... Российский коммунистический союз молодежи является школой, где готовятся сознательные коммунисты».

В марте 1919 года, возвращаясь после бурного 3-го Всеукраинского съезда Советов, Яков Михайлович заболел. Тяжёлая эпидемия испанки (заболевание лёгких) косила тогда людей. Болезнь захватила Свердлова, когда он был полон сил, готов для самой напряжённой работы.

16 марта 1919 года Яков Михайлович Свердлов скончался.

В центре Красной площади, у Кремлевской стены поднялась могила большевика, отдавшего всю свою жизнь партии и родной стране.

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

1844–1908

18

МАРТ

Сосредоточенное, умное лицо... строгий, чуть озабоченный взгляд... лоб мыслителя — таким видим мы Римского-Корсакова на известном портрете художника Серова. Портрет верно передаёт основные черты в характере композитора — мужество, настойчивость, волю, упорство.

Музыкой Римского-Корсакова восхищалась вся Россия, она и сегодня звучит со сцен многих стран мира.

У каждого большого художника, будь то композитор или писатель, пианист или актер,— всегда есть одна, отличительная особенность творчества, самая характерная, самая яркая. Есть такая особенность и у Римского-Корсакова. Это — необыкновенно развитое чувство прекрасного, умение видеть и глубоко понимать красоту.

В своей музыке композитор воспевал эту красоту во всех её проявлениях — он воспевал красоту русской природы, душевную красоту людей, красоту древних обычаев русского народа, красоту повседневного труда, красоту подвига во имя родины.

Николай Андреевич Римский-Корсаков прожил 64 года. Вся его жизнь тесно связана с музыкой.

Родился Николай Андреевич 18 марта 1844 года в небольшом городке Тихвине. Дом, в котором жили Римские-Корсаковы, стоял на живописном берегу тихой речки, в густом тенистом саду. По вечерам над тёмным садом и рекой часто звучали мелодии известных опер, протяжные русские песни.

Это в уютной гостиной, собравшись у рояля, отдыхала семья Римского-Корсакова и их соседи.

В этих вечерах принимал участие и маленький Коля. Шести лет он стал брать уроки музыки, а семи уже сочинял. Не меньше чем музыка его увлекало другое. Дальние моря, морские путешествия и приключения рано начали волновать фантазию мальчика. В 1856 году он охотно вместе с отцом поехал в Петербург и начал учёбу в Морском корпусе. Занятия в корпусе не мешали, однако, часто посещать театр, тайком от начальства организовать хор и разучивать с ним отрывки из любимых

опер, а главное,— по воскресеньям заниматься музыкой с педагогом.

Педагог, фамилия которого была Канилле, заметил незаурядные способности своего ученика. Ученик и учитель сходились в своих музыкальных вкусах: и тот, и другой преклонялись перед гением великого русского композитора Глинки. Канилле познакомил своего способного ученика с композитором Балакиревым, через Балакирева у Николая Андреевича завязалось знакомство с Кюи, Мусоргским, критиком Стасовым, а позднее — с Бородиным. Все эти музыканты образовали кружок, во главе которого встал Балакирев и который известен в истории русской музыки под названием «Могучая кучка».

В 60-е годы прошлого века лучшие представители демократической интеллигенции выступали против крепостного права, за просвещение народа, отстаивали интересы народных масс. За эти идеи боролись великие русские мыслители Чернышевский, Добролюбов, Герцен. В эти годы появились замечательные произведения Гончарова и Тургенева, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, в эти годы Толстой написал «Войну и мир».

Своей музыкой композиторы «Могучей кучки» тоже боролись за интересы народа, они стремились к созданию реалистической, народной музыки. Римский-Корсаков всю жизнь учился у народа, воспринимал всё лучшее, что создано народом, и это сделало из него большого русского композитора, великого художника-реалиста.

В 1862 году Морской корпус был окончен, и Римский-Корсаков вместе с другими выпускниками должен был отправиться в двухлетнее заграничное плаванье.

Жаль было оставлять творческую работу, новых друзей-композиторов, первые планы. Но и море манило — многое можно увидеть, узнать, изучить, а потом рассказать об этом своей музыкой.

Два года длилось морское путешествие. Сколько новых стран и новых впечатлений! Но и среди тропической природы Бразилии, и в лазурном Средиземном море, и в шумном Нью-Йорке Римский-Корсаков ни на минуту не забывал о родине. Он тосковал по родной русской природе, по близким сердцу русским людям, по оставленным друзьям.

Деятельность Римского-Корсакова очень разнообразна. Современники композитора поражались его работоспособности. Ни на месяц не прекращая композиторской работы, Николай Андреевич одновременно был профессором консерватории, создавшим целую композиторскую школу, выступал в качестве дирижёра не только в России, но и за границей, инспектировал хоры морского ведомства, руководил бесплатной музыкальной школой, был помощником управляющего придворной капеллой. И везде он выступал как композитор передовой, демократической мысли, как борец с рутиной чиновников, как пропагандист народного русского искусства.

И в творчестве своём Римский-Корсаков был очень разносторонним. Он писал оперы, различные симфонические произведения, романсы.

Оперы, написанные им, очень разнообразны по темам, характеру, по отображённым в них эпохам.

Проще всего разделить сюжеты, к которым обращался композитор, на сюжеты исторические, сюжеты русских классиков-писателей, среди которых много сказочных, и так называемые «восточные» сюжеты.

Самые известные оперы, написанные на исторические сюжеты,— это «Псковитянка», «Царская невеста» и отчасти «Садко».

Римский-Корсаков часто обращался к прошлому своей родины. Он любил это прошлое. Он видел в нём много примеров мужества, героизма русского народа. В «Псковитянке» композитор с волнением рассказывает о борьбе вольного города Пскова за свою независимость, против Ивана Грозного, который хотел покорить этот город.

В своей замечательной опере «Царская невеста» Римский-Корсаков отражает тяжёлую долю русской женщины 16 века, её подневольность, беззащитность.

«Садко» — это опера-былина. Садко, богатырь-гусляр, пытливый, энергичный, предприимчивый, отражает характер русского человека. Здесь реальное тесно переплетается с вымыслом, сочно и ярко переданный быт новгородского общества сочетается с поэтично обрисованным сказочным миром подводного царства. Но куда бы ни уводил композитор своего героя —

перед нами всё тот же Садко, бесстрашный, находчивый и сильный.

Римского-Корсакова всегда влекла к себе сказочная фантастика, русские легенды и поверья, древние русские обряды и верования.

Вот почему композитор часто обращается к сказочным сюжетам.

Поэтичны, красивы, богаты выдумкой оперы-сказки. Самая чудесная из них — «Снегурочка». Для этой, самой любимой своей оперы, Римский-Корсаков использовал сказку-пьесу Островского. Эта сказка светла и очень человечна. Она рассказывает о том, как дочь Мороза и Весны, Снегурочка, полюбила людей за их песни, за их сердечное тепло.

Вся музыка «Снегурочки» — это гимн солнцу, природе, счастью.

Римского-Корсакова, который так сильно чувствовал красоту, всегда привлекала поэзия Пушкина и романтика Гоголя. На сюжеты их произведений он создал целый ряд опер.

Всем известна опера «Моцарт и Сальери». На материале пушкинских сказок написал композитор «Сказку о царе Салтане», в которой рисует нам шутливо и беззлобно царство смешного Салтана, и «Сказку о золотом петушке», в которой ясно ощущается злая сатира на самодержавие.

«Ночь перед рождеством» и «Майская ночь» — это две чудесные оперы, очень поэтичные, верно и тонко передающие аромат украинской природы, характер и быт украинского народа, очарование его древних поверий.

Во всех операх-сказках Римского-Корсакова много яркой фантастики, но за фантазией мы всегда видим реальную жизненную правду. В этих операх всегда действуют живые, понятные и близкие нам люди. Одних мы любим, других ненавидим, одних осуждаем, другими восхищаемся. Вот почему не только «реальные» оперы композитора, но и его сказки по-настоящему волнуют нас.

Большое место в произведениях композитора занимает Восток. Цветущая, фантастическая природа Востока, мудрые восточные легенды находят своё отражение в симфонической сюите «Шехерезада», в песне индийского гостя из «Садко», в

«Испанском каприччио». Особенно замечательна «Шехерезада». Она написана по мотивам известных восточных сказок «Тысяча и одна ночь».

Наряду с операми и симфоническими произведениями Римский-Корсаков писал много романсов на стихи Пушкина, Лермонтова, Майкова, Кольцова и других русских поэтов.

Неисчерпаемо разнообразны мелодии Римского-Корсакова, неистощима его фантазия, в его музыке отражено всё разнообразие человеческих характеров и чувств — и всё это богатство почерпнул композитор из русской народной песни, мудрой, глубокой и прекрасной.

Римский-Корсаков — народный композитор, потому что в своих произведениях он отражал быт и характер народа.

Римский-Корсаков создал целую музыкальную школу. У него учились десятки русских и западных композиторов.

Многие молодые советские музыканты, никогда не знавшие лично Римского-Корсакова, с гордостью говорят — этот мой учитель!

В ЧАСЫ ДОСУГА

ГДЕ ХОЛОДНЕЕ?

Внимательно посмотрите на каждый из этих рисунков и определите, какой из них сделан в более сильный мороз.

ЗАГАДКА-ОМОНИМ

Всем пишущим я помогаю
И птиц от стужи согреваю.

ШАРАДА

Я состою из трёх частей:
В предлогах две найдутся части,
А третьей потчевал гостей
Герой одной известной басни.
В какие ни приду места,
Несу я гибель урожаю,

Но поднимаются леса,
Растёт лесная полоса,
Мне путь к посевам
преграждая!

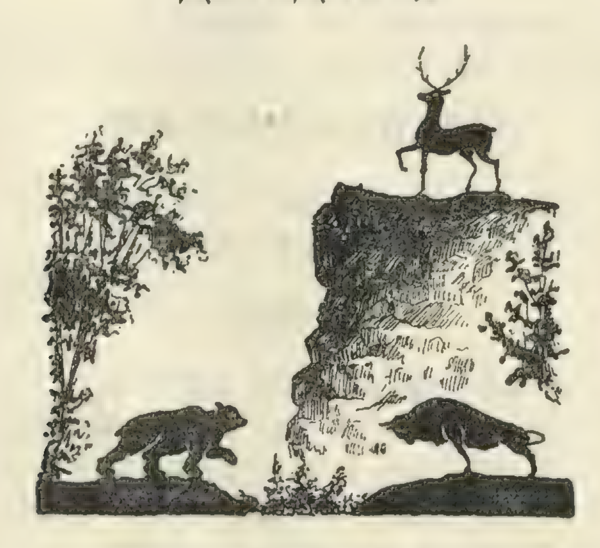
ДВА ДРУГА И ГОЛУБЬ

Два друга, Юра и Вася, жили в разных городах. Расстояние между этими городами было 300 километров, соединяло их прямое хорошее шоссе. В назначенное время друзья выехали навстречу друг другу со скоростью 50 километров в час. В момент выезда Юра выпустил, как было условлено, своего почтового голубя, который много раз летал от Юры к Васе и хорошо знал этот маршрут.

Обгоняя Юру, голубь полетел навстречу Васе со скоростью 100 километров в час; встретив Васю, он тотчас повернул обратно. Повстречав Юру, голубь опять полетел к Васе и так летал между ними до тех пор, пока друзья не встретились.

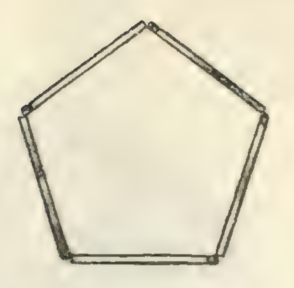
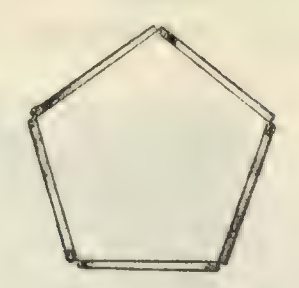
Сколько километров пролетел голубь, пока встретились друзья, ни Юра ни Вася быстро решить не могли. Сколько же километров, действительно, пролетел голубь, пока не уселся на плечо Юры?

ДОГАДАЙСЯ

Изображения этих зверей можно часто увидеть на улице. Догадайся, где именно и что они обозначают?

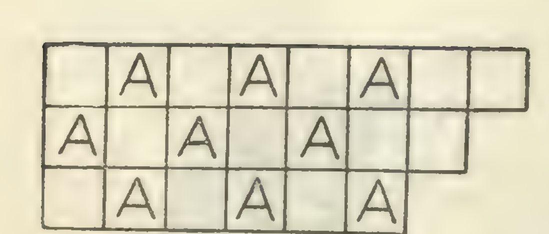
ГОЛОВОЛОМКА

Из десяти спичек без труда можно сложить два пятиугольника. А вот сложить из этого же количества спичек два пятиугольника и пять треугольников не так просто. Однако можно сделать и это. Догадайтесь, как?

ТРИ ПУСТЫНИ

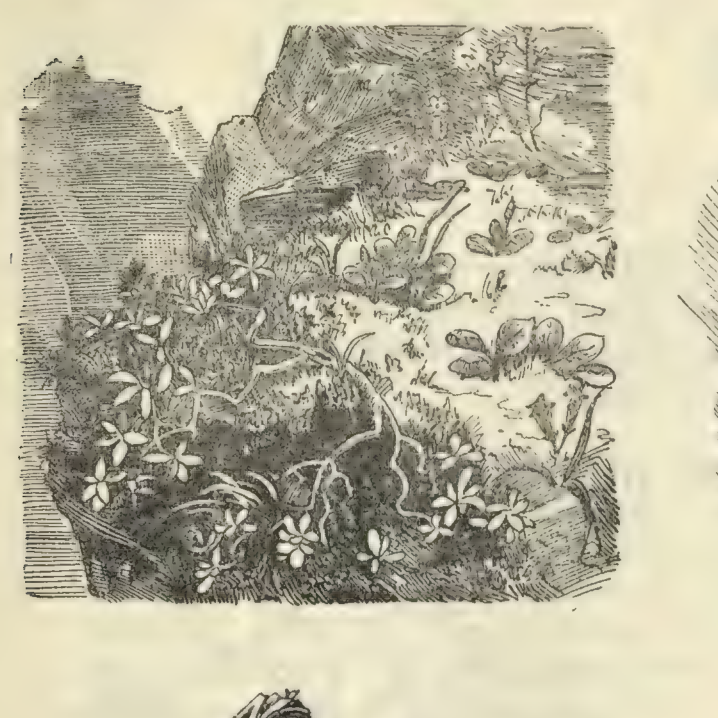
Впишите в пустые клетки недостающие буквы и прочтите название трёх больших пустынь мира.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ БОТАНИКУ?

1. Почему у многих растений пустынь вместо листьев колючки или шипы?
2. Почему высокогорные растения бывают обычно низкорослыми и стелющимися по земле?

3. Почему после дождя цветы начинают пахнуть сильнее?

4. Почему растения не следует поливать в то время, когда на них падают солнечные лучи?

5. Для чего окучивают картофель?

6. Где в нашей стране разводится сахарный тростник?

7. Почему у водяных растений стебли мягкие и гибкие?

8. Какое растение, служащее сырьём для изготовления тканей, цветёт только полдня?

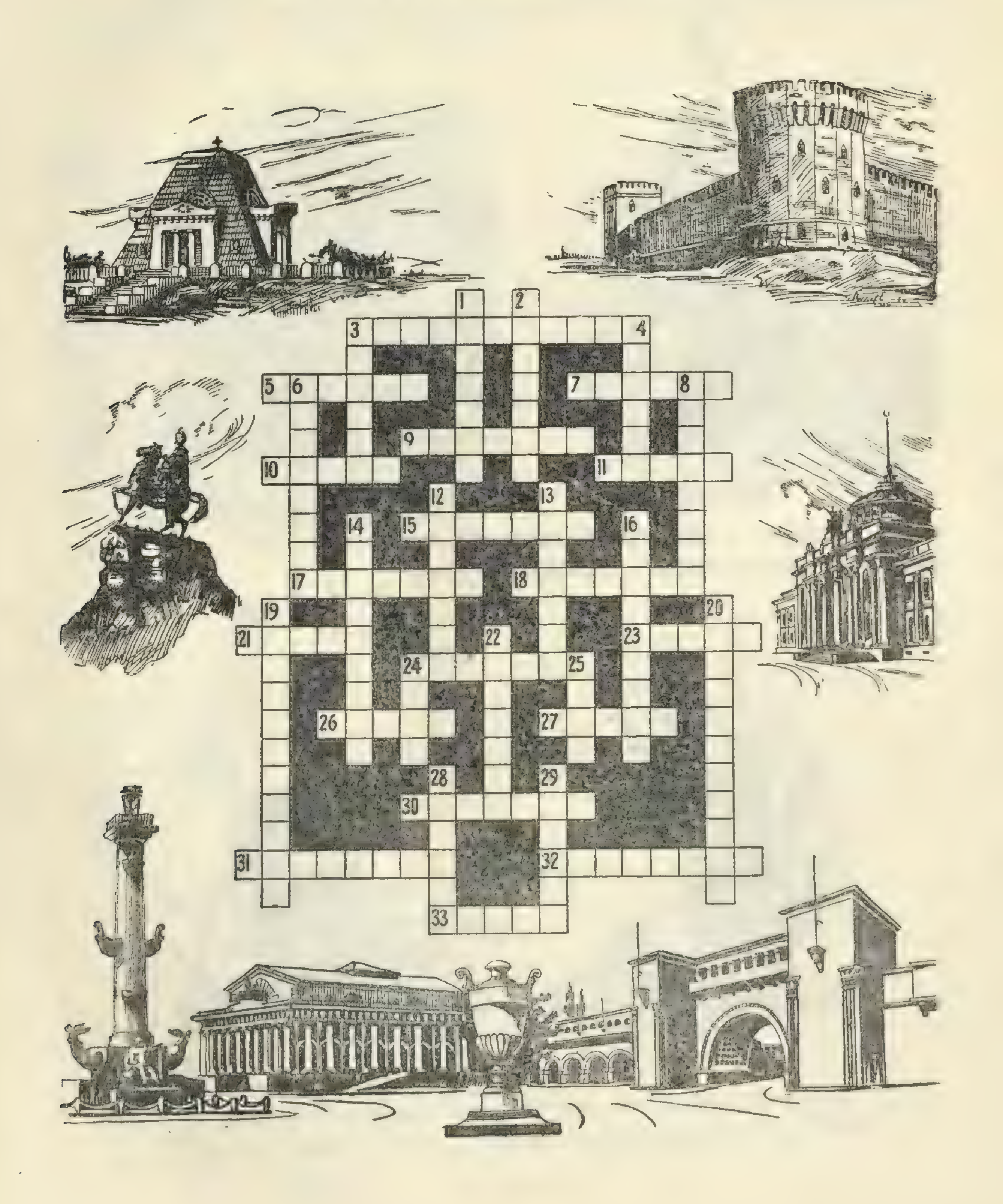

9. Почему комнатные растения нужно поливать не холодной (особенно зимой), а тёплой водой?

ГОРОДА НАШЕЙ РОДИНЫ

По вертикали. 1. Город, носящий имя основоположника советской литературы. 2. Город в Станиславской области УССР. 3. Город, где жил и работал К. Э. Циолковский. 4. Один из крупнейших городов Поволжья. 6. Один из древнейших русских городов, расположенный в Калужской области. 8. Город на Чёрном море. 12. Древнейший город в Московской области. 13. Город, близ которого происходило Бородинское сражение. 14. Город-герой. 16. Город на Кавказе, где жил М. Ю. Лермонтов. 19. Город, в героической обороне которого участвовал в 1853—1855 годах великий русский писатель Л. Н. Толстой. 20. Город в Туркменской ССР. 22. Город в Восточной Сибири. 24. Столица одной из союзных республик. 25. Древнейший город, расположенный на берегу Дона. 28. Город во Владимирской области, в котором изготовляют экскаваторы. 29. Портовый город на Чёрном море, с именем которого связано восстание матросов на броненосце «Потемкин».

По горизонтали. 3. Город, построенный советской молодёжью на берегу большой сибирской реки. 5. Город, названный именем замечательного советского лётчика. 7. Родина выдающегося учёного-физиолога И. П. Павлова. 9. Древнейший город мира, столица союзной республики. 10. Город в Калининградской области, который стоит на реке того же названия. 11. Город — родина детского писателя Аркадия Гайдара. 15. Город в РСФСР, крупнейший железнодорожный узел. 17. Город в Сумской области, упоминаемый Н. В. Гоголем в «Пропавшей грамоте». 18. Город — родина Н. Г. Чернышевского. 21. Город, где учился Н. В. Гоголь. 23. Курортный город в Абхазии. 24. Город — место одной из величайших строек нашей эпохи. 26. Город, где похоронен великий украинский поэт Т. Г. Шевченко. 27. Город в Сибири, основанный в 1604 году казаками по указу царя Бориса Годунова. 30. Областной город в РСФСР. 31. Город, в котором юными мичуринцами заложен сад шестнадцати республик. 32. Город, в котором воздвигнут памятник великому русскому композитору М. И. Глинке. 33. Промышленный город в Горьковской области.

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ „В ЧАСЫ ДОСУГА“

Где холоднее? В пасмурную погоду зимой теплее, чем в солнечный день, так как ясная морозная погода зимой вызывается, как правило, вторжением сухого, холодного воздуха Арктики. Левый рисунок сделан в тёплый пасмурный день: небо серое, ребята лепят из влажного снега бабу, спустились на снег воробьи. На правом рисунке чистое небо, резкие тени, дым, поднимающийся прямо из трубы, показывают, что день солнечный, безветренный, а, следовательно, морозный.

Загадка-омоним. Перо.

Шарада. За-с-уха, в целом: засуха.

Два друга и голубь. Решая эту задачу, многие пускаются в очень сложные вычисления, упуская из виду, что голубь летел ровно 3 часа, а так как скорость его полета равна 100 километрам в час, то, следовательно, он пролетел всего ровно 300 километров.

Догадайся. Изображения нарисованных зверей — это эмблемы советских автозаводов. Медведя можно видеть на автомашинах Ярославского автозавода, оленя — на машинах Горьковского автозавода и зубра — на машинах Минского автозавода.

Головоломка. Спички нужно сложить так:

Три пустыни. Калахари, Атакама, Сахара.

Знаете ли вы ботанику?

1. Колючки и шипы позволяют более экономно расходовать влагу, так как нагреваются солнцем меньше, чем нагревалась бы широкая площадь листьев, и, следовательно, испаряют намного меньше воды.

2. Низкорослость и прижатость к земле дают возможность высокогорным растениям лучше использовать тепло приземного слоя воздуха, нагретого сильнее, чем вышележащий воздух, а также позволяют лучше защищаться от холодных ветров.

3. Запах цветов зависит от испарения пахучих эфирных масел, образующихся в нектарнике цветов. После дождя смесь эта с влагой начинает испаряться сильнее, чем испарялись бы безводные эфирные масла, и запах цветов усиливается.

4. Капельки воды, оставшиеся после поливки, собирают солнечные лучи, как маленькие увеличительные стёкла, и растение может при этом получить ожоги.

5. Клубень картофеля — это стебель его, изменивший свою форму. Лучше всего клубни образуются в темноте. Окучивая картофель, затемняют нижние части стеблей, что способствует образованию большего количества клубней.

6. Сахарный тростник с успехом разводится в долинах рек в Таджикской ССР и Узбекской ССР.

7. Подводные растения не нуждаются в твёрдом стебле, так как их поддерживает давление окружающей воды. Кроме того, твёрдый стебель вода во время волнения могла бы порвать или сломать.

8. Лён. Он цветёт только полдня, затем вместо цветов у него появляются зелёные коробочки с семенами.

9. Холодная вода очень медленно проникает в растение, и оно не получает во-время нужных питательных веществ. Застоявшаяся вода загнивает, и это тоже вредит растению.

Города нашей Родины

По вертикали: 1 — Горький, 2 — Рогатин, 3 — Калуга, 4 — Казань, 6 — Козельск, 8 — Николаев, 12 — Коломна, 13 — Можайск, 14 — Ленинград, 16 — Пятигорск, 19 — Севастополь, 20 — Красноводск, 22 — Бодайбо, 24 — Киев, 25 — Азов, 28 — Ковров, 29 — Одесса.

По горизонтали: 3 — Комсомольск, 5 — Чкалов, 7 — Рязань, 9 — Тбилиси, 10 — Неман, 11 — Льгов, 15 — Бологое, 17 — Конотоп, 18 — Саратов, 21 — Нежин, 23 — Гагры, 24 — Каховка, 26 — Канев, 27 — Томск, 30 — Вологда, 31 — Владимир, 32 — Смоленск, 33 — Выкса.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лагерь во дворе. В начале летних каникул десятиклассник комсомолец Сеня Самойлов организовал во дворе своего дома пионерский лагерь.

Весело и интересно проходила жизнь лагеря. Вместе с Сеней ребята совершали всевозможные походы и экскурсии.

Как-то пионеры ходили в лес и собрали растений на несколько гербариев. Люся Волкова предложила один гербарий оставить для школы, а остальные разослать по Советскому Союзу, взамен получить другие и, таким образом, собрать гербарии растительности нашей родины.

Обсудив Люсино предложение, ребята решили организовать фабрику по выпуску гербариев растений Северного Урала. Сразу же образовали цехи: заготовительный, который должен был доставлять для фабрики растения, сушильный — сушить и сортировать растения и упаковочный — выпускать гербарии.

И вот фабрика заработала.

Заготовку растений доверили Юле, Тиме и Павке, трём закадычным друзьям. Но мальчики больше увлекаются геологическими открытиями, чем сбором растений.

Однажды в жаркий летний день, бродя по окрестностям родного Новостроя, Юля, Павка и Тима вышли к горе Крутой. Поднявшись на гору, друзья исследуют вершину Крутой и случайно обнаруживают на скале под мохом надпись, сделанную в 1918 году Григорием Лапиным из отряда «Стальной солдат революции».

Ребята спешат домой, чтобы сообщить пионерам о своей находке.

На большом совете дружина постановила найти Григория Лапина, узнать всё об отряде «Стальной солдат революции» и о том, какая драма произошла на горе Крутой в 1918 году.

Так начались поиски партизана Григория Лапина, о которых рассказывает молодой уральский писатель В. Шустов в своей книге «Тайна горы Крутой» (Свердловское Книжное Издательство, 1953).

Юные маклаевцы. Генька и Павлик «вышли, стараясь не скрипеть дверями. Было свежо, сквозь белый туман проступали не совсем погасшие утренние звёзды...

До школы дошли быстро. Павлик и Генька сняли с плеч рюкзаки и присели на ступеньках у закрытых школьных дверей. Так сидели они молча в ожидании остальных туристов.

Туман растаял, и солнце, вынырнувшее из-за большого дома, брызнуло лучами прямо в глаза. Генька, пригретый, задремал, склонившись головой к плечу Павлика.

Наконец, пришли Вася-капитан и Анатолий Григорьевич, а следом за ними и другие ребята.

— Привет молодым путешественникам! — крикнул Анатолий Григорьевич.

— Ура! — гаркнули дружно ребята.

Генька проснулся, и всё кругом опять показалось ему праздничным. И синее безоблачное небо, и тополя в школьном саду, и чистые асфальтовые тротуары, и белый дым из труб, поднимающийся кверху, и костюмы ребят, такие чистые и выутюженные...

— Отряд, стройся! — звонко скомандовал капитан.

Ребята быстро построились.

Анатолий Григорьевич оглядел вытянувшийся в линейку отряд и громко сказал:

— Поздравляю вас с началом похода!

— Ура!!! — закричали снова ребята.

— Капитан, принимай бразды правления! Юные маклаевцы, вперёд!

Стройной цепочкой зашагали ребята по тихим улицам города. Все сознавали торжественность момента. Впереди был долгий путь по горам, лесам и широким просторам родного края».

Так начался первый туристический поход отряда имени Миклухо-Маклая, ярко и увлекательно описанный в книге уральской писательницы Б. Дижур «Рассказ об одном походе» (Свердловское Книжное Издательство, 1953).

Не одну неделю находились юные маклаевцы в походе. За это время они многое увидели и узнали, многому научились. «Ребята шагали через леса и болота, по скалам и горным тропинкам, их поливал дождь и сушило июльское солнце, обдували горные ветры и свежим хвойным ароматом встречали леса».

Они побывали на горе Волчихе и у обелиска, стоящего на границе Европы и Азии, посетили Уралмаш и Первоуральский новотрубный завод, спускались в тальковый и родонитовый карьеры, беседовали с инженерами и колхозниками, встречались с туристами из других школ.

Юные маклаевцы собрали в походе прекрасные коллекции минералов, гербарии... Они вели дневники, писали доклады и статьи, делали зарисовки. Они научились подниматься на отвесные скалы, готовить пищу на костре, проходить большие расстояния, внимательно присматриваться к окружающему, привыкли к самостоятельности.

В походе между ребятами возникла хорошая, настоящая дружба. Загорелыми и бодрыми вернулись они домой.

О далёком прошлом. В дом станичного учителя Ивана Петровича Каурова поздно вечером ворвались жандармы. Перевернув в комнатах всё вверх дном, объявили хозяину, что за распространение революционных идей его вместе с семьёй ссылают на поселение в Сибирь. На сборы дали два дня.

Далеко находится холодная Сибирь от благодатной Кубани.

Страшно было с пятью ребятами пускаться в такой путь.

Самых маленьких, Володю и Виктора, родители оставили у родственников.

Трудно приходится мальчикам.

Дядюшка Марченко, зажиточный станичный казак, оказался очень злым и скупым человеком.

Он заставляет шестилетнего Володю пасти скот, помогать по хозяйству.

Дети живут впроголодь. Младший Виктор вскоре умирает.

Только с друзьями, Алёшей и Гришей, забывал Володька свои невзгоды.

У дядюшки Марченко был дворовый пёс Собик. Никогда Собик не лаял, целые дни лежал молча на солнцепёке.

Алёша предложил Володьке:

— Вашему Собику надо хвост отрубить, тогда он будет лаять. Куцые собаки все злые и лают.

Очень хотелось Володьке, чтобы Собик, как все собаки, стал лаять. И страшно было. А вдруг Собику больно будет.

— Ничего не больно! — уверял Алёша.— А Собиков хвост на притолку в сарае спрячем, и домовой к вам ходить не будет.

Довод показался убедительным. И Собику хвост был отрублен.

Дядюшка в это время был в отъезде. Приехав домой и увидев Собика, дядюшка озверел.

Станичники верили в примету: «собака куцая, кобыла без хвоста, значит, жена у хозяина не домоседка».

До полусмерти избил дядюшка Володю. Еле-еле отходили мальчика старый солдат Максимыч и Гриша Ткаченко, монастырский воспитанник.

Когда Володя поправился, посоветовал ребятам старый солдат ехать к Володиным родителям в Сибирь.

Снабдив мальчиков деньгами и письмом к своему приятелю в Екатеринбург, Максимыч отправляет их в далёкий путь.

О том, как Володя и Гриша добирались до Сибири, как разыскали Володиного отца, как Володя работал у помещика и как помогал революционерам-подпольщикам, вы узнаете, прочитав книгу В. Каурова «В дальний путь» (Свердловское Книжное Издательство, 1953).

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

В ЧАСЫ ДОСУГА

Редактор *И. Круглик*
Художественный редактор *И. Колмогорцева*
Переплёт художника *Б. Семёнова*
Технический редактор *М. Ульянова*
Корректор *Р. Селянкина*

*

Подписано к печати 14/V 1954 г.
Уч.-изд. л. 6,82. Бумага $70 \times 92/_{16} = 4{,}25 + 2$ вкл.
бумажного—10,24 печатного листа
НС 26648. Тираж 30000. Заказ 32.
Цена 3 р. 10 к.

*

5-я типография треста Росполиграфпром,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

*

22

3 р. 10 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1954